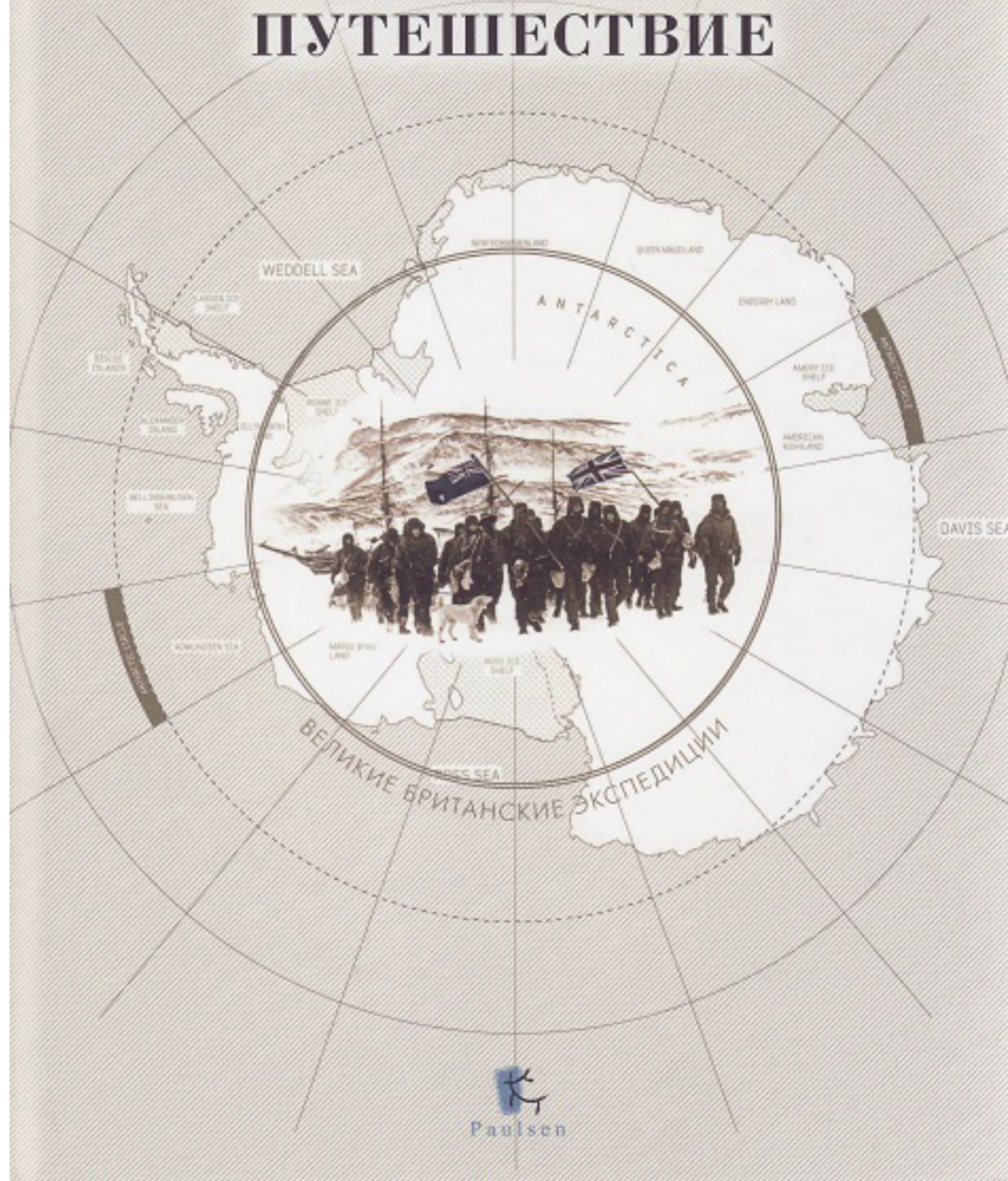

Э. Черри-Гаррард

САМОЕ УЖАСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Великие британские экспедиции

Эпсли Черри-Гаррард

Самое ужасное путешествие

«Паулсен»

1922

Черри-Гаррард Э.

Самое ужасное путешествие / Э. Черри-Гаррард — «Паулсен», 1922 — (Великие британские экспедиции)

ISBN 978-5-98797-085-0

Трагическая история открытия Южного полюса вот уже сто лет не перестает волновать умы людей. О роковом путешествии Р. Скотта к полюсу написано множество статей и книг, но книга Э. Черри-Гаррарда, участвовавшего в английской антарктической экспедиции 1911–1913 годов в качестве помощника биолога, представляет собой по сути единственное связное повествование обо всей этой экспедиции в целом. Высокая степень достоверности при описании всего хода экспедиции сочетается с необыкновенно живым, эмоциональным изложением. Издание дополнено критическими комментариями и примечаниями доктора географических наук В. С. Корякина.

ISBN 978-5-98797-085-0

© Черри-Гаррард Э., 1922

© Паулсен, 1922

Содержание

Введение	7
Из Англии в Южную Африку	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Э. Черри-Гаррард

Самое ужасное путешествие

В книге использованы фотографии Г. Понтинга, Р. Скотта и других участников экспедиции

Научный редактор доктор. геогр. наук В. С. Корякин

© Перевод с английского Р. М. Солодовник

© Предисловие и примечания В. С. Корякин

Copyright © 2014 by Paulsen. All Rights Reserved.

Дорогие друзья!

От лица издательства «Паулсен» я с гордостью представляю вам эту книгу, открывающую серию «Великие британские экспедиции». Перед вами один из лучших отчетов о полярных экспедициях, которые когда-либо были написаны.

Когда в 2004 году журнал National Geographic Adventure опубликовал свой рейтинг лучших книг о приключениях, возглавила его именно книга Черри-Гаррарда, посвященная последней экспедиции сэра Роберта Фалкона Скотта. Это справедливый выбор: автор задумывал свой труд как анализ опыта экспедиции, непосредственным участником которой он был. Однако одновременно он достиг еще более высокой цели: рассказал о том, как любовь к науке позволяет совершить невозможное, а юмор – выжить в нечеловеческих условиях.

Как известно, экспедицию капитана Скотта и его самого в какой-то момент активно критиковали за неподготовленность – за неподходящее снаряжение, за обреченные на неудачу попытки использовать лошадей и мотосани, за отказ от использования собак на пути к полюсу... В конце концов, и в гонке к Южному полюсу ведь победил Амудсен, а не Скотт. Все это так – но чтобы увидеть благородство Скотта и его товарищей и оценить их вклад в историю полярных исследований, необходимо прочитать книгу Черри-Гаррарда. Обещаю, что это будет увлекательно, но не ждите, что путь по ее страницам окажется легким. Автор рассказывает свою историю подробно и основательно, как мало кто пишет в наше суетливое время. Он обращается к дневникам других участников экспедиции, в том числе и Скотта, чтобы рассказать историю как можно полнее. Он рассказывает об экипировке, характерах собак и лошадей – и, конечно, о замечательных людях, не щадивших себя во имя познания.

Я искренне завидую тем, кто только собирается прочесть «Самое ужасное путешествие». Вас ждет замечательное приключения длиной в 500 страниц, и когда оно закончится, вы больше не будете прежним. Возможно, эта книга станет для вас своего рода точкой отсчета – именно потому, что это не рассказ писателя о чьем-то путешествии, а свидетельство непосредственного участника событий.

Фредерик Паулсен, издатель

Уважаемые читатели!

Концерн «Шелл» в России совместно с издательством «Паулсен» рад предложить российским читателям серию книг, посвященных легендарным первопроходцам, навсегда вписавшим свои имена в историю полярных исследований.

Перед вами русское издание мемуаров Эпсли Черри-Гаррарда «Самое ужасное путешествие». Эта книга, написанная одним из участников легендарной «Британской антарктической

экспедиции» под руководством Роберта Скотта, рассказывает о целеустремленности и силе человеческого духа, не сломленного сложнейшими испытаниями.

Арктика и Антарктика всегда манили человечество неизведанностью, суровостью климата, возможностью «заглянуть за край земли». Сегодняшний день приносит в наши представления новые измерения. Антарктика стала крупнейшей ареной мирного международного сотрудничества и научных исследований. Арктику уже сейчас можно назвать главной энергетической кладовой планеты, способной существенно повлиять на будущее человечества.

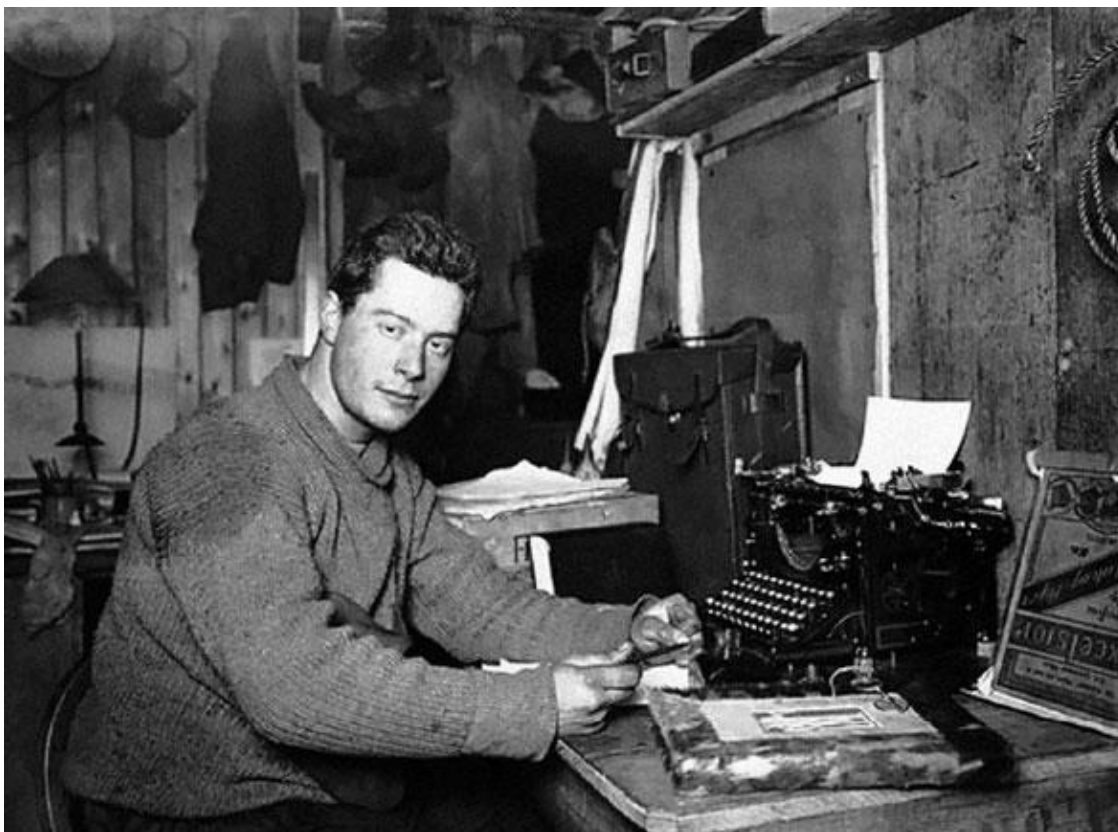
Примечательно, что книга выходит в перекрестный год культуры России и Великобритании – стран, которые внесли неоценимый вклад в исследование полярных регионов мира. Уверен, что и в будущем сотрудничество между российскими и британскими учеными и представителями бизнеса будет играть важную роль в решении ключевых проблем этих регионов, в том числе в обеспечении безопасного использования энергетических ресурсов Арктики.

Нам особенно приятно, что книга издается при поддержке Русского географического общества, одного из старейших географических обществ мира, продолжающего в наше время славные традиции исследователей и путешественников прошлых столетий.

Желаю вам увлекательного чтения!

Оливье Лазар,

Председатель концерна «Шелл» в России

Энсли Черри-Гаррард (Apsley Cherry-Garrard) 1886–1959

Введение

Полярное путешествие – лучший способ плохо провести время в условиях уединенности и стерильности. Ни в каком другом путешествии вам не удастся, одевшись в Михайлов день,¹ ходить не раздеваясь до Рождества в чистой, чуть ли не новенькой одежде, не обращая внимания на слой естественного сала на теле. Здесь вы более одиноки, чем в Лондоне, более отдалены от мира, чем в монастыре, а почта приходит раз в год. Принято сравнивать по уровню жизни Палестину или Месопотамию с Францией, но было бы интересно противопоставить этим странам Антарктику, как эталон дискомфорта. Один полярный путешественник уверял меня, что после участия в партии Кемпбелла пребывание в окопах на Ипре казалось ему пикником. Но пока не будет установлена единица выносливости, я не вижу возможности проводить параллели с Антарктикой. Впрочем, и без того ясно, что вряд ли кому-нибудь на Земле приходится хуже, чем императорскому пингвину.

Антарктика и сейчас для остального мира то же, чем была обитель богов для древних халдеев: огромная горная страна далеко за морями, окружающими места обитания человека. Что касается исследований южных полярных областей, то более всего в них поражает их полное отсутствие: уже при английском короле Альфреде викинги плавали по ледовым просторам севера, Южный же континент не был известен даже во времена Веллингтона и битвы при Ватерлоо.

Всем желающим ознакомиться с историей исследования Антарктики я рекомендую обратиться к превосходно написанной главе в «Путешествии на «Дисковери»» Скотта или к другим источникам. Я не собираюсь предварять мою книгу общим обзором такого рода, но мне не раз приходилось выслушивать жалобы на то, что «Последняя экспедиция Р. Скотта» переносит непосвященного читателя в якобы хорошо известные ему места и ставит этим в затруднительное положение, так как на самом деле он не знает, что собой представляло судно «Дисковери», где находится скала Касл, а где – мыс Хат. Поэтому, чтобы были понятны встречающиеся в этой книге упоминания о тех или иных экспедициях, об открытых ими землях, о следах, которые после них остались, я предлагаю вниманию читателя следующее краткое введение.

Уже самые первые составители карт Южного полушария были уверены, что где-то далеко на юге существует большой континент, который они называли «Терра Аустралис». Эта уверенность несколько ослабла, хотя и не исчезла окончательно, после того как мореплаватели обогнули мыс Доброй Надежды и мыс Горн и не обнаружили там ничего кроме, бушующего океана, а впоследствии открыли Австралию и Новую Зеландию. Поиски продолжались, причем во второй половине XVIII века стимулом для них служили уже не только жажда личного обогащения путешественников и стремление государств к захватам новых земель, но и научная любознательность.

Кук, Росс и Скотт – вот властелины юга.

Основы наших знаний о нем заложил великий английский мореплаватель Джеймс Кук. В 1772 году он отчалил от Детфорда на судах «Резольюшн» (водоизмещением 462 тонны) и «Адвенчер» (336 тонн), построенных в Уитби для нужд угольной торговли. Подобно Нансену, он считал, что от цинги можно уберечься разнообразным питанием, и в числе других запасов провианта он упоминает *«кислую капусту, бульонный экстракт, морковный мармелад, сусло и пиво»*. Были выбиты медали *«для раздачи жителям вновь открытых стран в подтверждение того факта, что мы являемся их первооткрывателями»*[5]. Интересно, сохранились ли еще где-нибудь эти медали?

¹ Михайлов день по церковному календарю приходится на 29 сентября. (Примечания переводчика и научного редактора везде, где не указано иное. – Ред.)

Витамин С необходим, так как он не синтезируется в организме человека и должен поступать с пищей, т. е. является витальным диетическим фактором. Однако цингу вызывает не само отсутствие витамина С, а нарушение его обмена в организме, что уменьшает синтез коллагена – белка соединительной ткани и ведет к выпадению зубов. Если обменные процессы нарушены, то даже при избытке витамина С в диете цинга все равно разовьется. И это нарушение обмена часто происходит при депрессии[34]. (Источники см. в конце книги. – Ред.)

Миновав мыс Доброй Надежды, Кук взял курс на восток к Новой Зеландии, чтобы оттуда пройти в поисках Южного континента как можно дальше на юг. Первый «ледяной остров», или айсберг, он увидел 10 декабря 1772 года на 50°40' ю. ш. и 2°0' в. д. На следующий день он заметил *«несколько белых птиц величиною с голубя, с черными ногами и клювом, не виданных мною ранее»*[5]. Скорее всего, это были снежные буревестники. Он миновал множество айсбергов – *«чем дальше, тем реже с их вершин взлетали альбатросы, зато у подножий появились пингвины»*, – и был остановлен толстым паковым² льдом, вдоль кромки которого пошел дальше. Исходя из предположения, что лед формируется в заливах и реках, Кук решил, что земля должна быть недалеко. Между прочим он замечает, что, стремясь помочь своим людям переносить холод, он *«приказал удлинить сукном рукава бушлатов (оставлявшие до этого открытой часть руки) и сделать для каждого капюшон из такого же материала с брезентом, что оказалось для них весьма полезным»*[5].

Больше месяца Кук плыл по Южному океану, все время среди айсбергов, а часто вблизи паковых льдов. Погода стояла плохая, обычно пуржило. Кук пишет, что после мыса Доброй Надежды только один раз видел луну.

В воскресенье, 17 января 1773 года на 39°35' в. д. пересечен Южный полярный круг – впервые в истории. Достигнув 67°15' ю. ш., Кук встретил непреодолимое препятствие – огромное поле пакового льда. Отсюда он повернул обратно и взял курс на Новую Зеландию.

В конце 1773 года Кук снова вышел из Новой Зеландии, на сей раз без корабля «Адвенчер», с которым расстался. Высокая волна убедила его в том, что *«южнее Новой Зеландии, на ее меридиане, земли быть не может, она должна находиться гораздо дальше на юг»*. 12 декабря на 62°10' ю. ш. он увидел первый айсберг, а три дня спустя был задержан толстым паком. 20 декабря снова пересек Южный полярный круг на 147°46' з. д. и продвинулся до 67°31' ю. ш. Здесь его подхватило течение и понесло на северо-восток.

26 января 1774 года он в третий раз пересек Южный полярный круг на 109°31' з. д., не встретив паковых льдов, а лишь несколько айсбергов. Зато на 71°10' ю. ш. путь ему преградили непроходимые паковые льды и заставили его наконец повернуть обратно. Он писал:

«Я не берусь утверждать, что нигде нельзя было найти проход и попытаться продвигнуться дальше на юг; но это было бы опасным и опрометчивым предприятием, о каком, полагаю, не следовало бы и помышлять человеку, находящемуся в моем положении. В самом деле, я предполагал – и мое мнение разделяло большинство находящихся на борту, – что лед тянется до самого полюса или прирос к какой-нибудь суше³, с которой он соединен с незапамятных времен; и что именно здесь, то есть к югу от этой параллели, образуется первоначально лед, осколки которого попадались нам то и дело много дальше на север; под воздействием бурь, а возможно, и иных причин, ледяной покров раскалывается и уносится на север течениями, которые на высоких широтах неизменно имеют это направление. Приблизившись ко льду, мы

² «Пак» – слово эскимосского происхождения, неоправданно привнесенное английскими моряками в Антарктиду. Здесь в большинстве случаев морской лед однолетний, в то время как в Арктике это слово, как правило, относится к многолетнему льду.

³ Здесь речь не идет, таким образом, о материковом льде, и Дж. Кук мыслит привычными моряку категориями.

услышали голоса пингвинов, но ни одного не узрели; не заметили мы и большого количества других птиц или какие-либо иные признаки, которые могли бы побудить нас предположить, что поблизости находится суша. И все же я полагаю, что южнее этих льдов есть земля, но если это действительно так, то она не является для птиц и других живых существ лучшим пристанищем, чем льды, ибо и она тоже должна быть полностью ими покрыта. Я, вынашивавший честолюбивые планы не только проникнуть дальше всех моих предшественников, но и дойти вообще до предела, достигаемого для человека, не огорчился из-за их нарушения, так как оно в известной мере даже несет нам облегчение; во всяком случае, сокращает опасности и тяготы, неизбежно связанные с плаваниями в южных полярных областях»[5]

Итак, Кук повернул на север. Но тут как раз *«у меня случилась желчная колика»*, и любимая собака натуралиста Форстера (чьим именем назван императорский пингвин – *Aptenodytes forsteri*) *«была принесена в жертву моему чувствительному желудку... Таким образом меня насытила и дала мне силы пища, от которой большинству европейцев стало бы дурно. Воистину, человеку в беде закон не писан»[5].*

«Раз и навсегда было доказано, что идея существования населенного людьми плодородного континента не более чем миф, что любая земля, которая может находиться близ Южного полюса, должна представлять собою пустынное пространство, укрытое под слоем льда и снега. Были прослежены огромные просторы бурных южных морей и выявлены границы обитаемых земель. Кстати, можно заметить, что Кук первым описал особенности антарктических айсбергов и плавающих льдов»[6].

В 1819 году русская экспедиция под командованием Беллинсгаузена открыла первую землю в Антарктике, не вызывавшую никаких сомнений, и назвала ее Землей Александра.⁴ Она находится почти точно к югу от мыса Горн.

В разных районах мира открытия происходили по-разному, но в южных морях в первой половине XIX века впереди государственного флага шла коммерция. Изобилие тюленей и китов привлекало сюда сотни судов, и тем немногим, что нам известно об очертаниях Антарктического континента, мы в значительной мере обязаны просвещенным инструкциям, исходящим от компаний вроде той, что возглавлялась господами Эндерби, а также предприимчивости и отваге таких капитанов, как Уэдделл, Биско и Баллени.

«На маленьких утлых суденышках они бесстрашно пускались в плавания по бурным морям, усеянным льдинами; снова и снова случалось им находиться на краю гибели; их потрепанные корабли с ободранными бортами отчаянно текли, команды изнемогали от непосильной работы и гибли от цинги. И все же, несмотря на невероятные трудности, они шли вперед, и едва ли хоть один из них изменил свой курс без крайней необходимости. Простые бесхитростные рассказы об этих плаваниях подкупают своей правдивостью, их нельзя читать, не восхищаясь удивительной стойкостью и мужеством мореплавателей»[6].

1820 года (см. Трешников А. Ф. История открытия и исследования Антарктиды. М., Географгиз, 1963). У Э. Черри-Гаррарда неверно указана дата открытия Земли Александра I – это произошло 29 января 1821 года.

Как правило, свои открытия охотники и зверобои той поры хранили в секрете, поскольку это было связано с успешным промыслом. Поэтому часто их открытия становились известными науке с большим опозданием, а нередко, по-видимому, требовали повторного открытия, что создало ряд проблем для исторической географии. – Здесь и далее примечания науч. ред. В. С. Корякина.

⁴ В современной литературе, посвященной открытию Антарктиды, датой открытия считается 27 (15) января

К 1840 году уже были известны несколько точек на материке, находившихся в разных местах антарктического побережья. Прослеживавшиеся по ним границы материка совпадали с Южным полярным кругом или были к нему близки: это заставило предположить, что материк, если это материк, представляет собой гигантский массив суши округлой формы с Южным полюсом в центре и приблизительно равноудаленными от него берегами. Было выявлено всего лишь два исключения. По сведениям Кука и Беллинсгаузена, на юге Тихого океана суша вдавалась дальше к полюсу; Уэдделл же на юге Атлантики прошел еще южнее, продвинувшись по $34^{\circ}16'$ з. д. до $70^{\circ}15'$ ю. ш.

Существуй в те дни теория тетраэдра, вероятно, нашелся бы человек, который предположил бы наличие такой же картины на юге Индийского океана; но скорее всего он был бы осмеян современниками. Когда в 1839 году Джеймс Кларк Росс отчалил от берегов Англии, у него не было серьезных оснований предполагать, что побережье антарктической суши в районе магнитного полюса – а именно его он намеревался достичь⁵ – значительно отступает от Южного полярного круга.

Росс покинул Англию в сентябре 1839 года по заданию Адмиралтейства. Под его началом было два парусника Ее Королевского Величества – «Эребус» водоизмещением 370 тонн и «Террор», 340 тонн.

Эти же суда, «Эребус» и «Террор», причем со многими участниками плавания в Антарктику, в 1845 году были направлены Британским Адмиралтейством для открытия Северо-Западного прохода и пропали без вести во главе с начальником экспедиции Джоном Франклином. Спустя несколько лет было установлено, что их экипажи в полном составе погибли от холода и голода, большей частью у острова Кинг-Уильям на востоке Канадского архипелага.

Прибыв в августе 1840 года в Хобарт на Тасмании, он узнал об открытиях, сделанных предыдущим летом французской экспедицией Дюмона Д'Юрвиля и американской экспедицией Чарлза Уилкса. Первая проследила берег Земли Адели и прошла к западу от нее 60 миль вдоль ледяного утеса. Она привезла с собой трофей – яйцо, экспонируемое ныне в Дрейтоне, которое, по свидетельству экспедиции Скотта на «ДисCOVERи», бесспорно принадлежит императорскому пингвину.

Обе экспедиции работали приблизительно на широте Южного полярного круга ($66^{\circ}32'$ ю. ш.) в той части земного шара, что лежит к югу от Австралии. Росс, *«памятуя о том, что Англия всегда первенствовала в географических открытиях как в южных, так и в северных районах... с самого начала решил держаться вдали от маршрутов ее мореплавателей и выбрал для проникновения на юг и, если удастся, для достижения Магнитного полюса значительно более восточный вариант пути (по 170° в. д.)»*[7].

Исследователи истории Антарктики хорошо знают маршрут экспедиции, открывшей неожиданно-негаданно неизвестное море, которое тянулось на 500 миль на юг в сторону полюса. Пройдя паковые льды, Росс направился к предполагаемому Магнитному полюсу, идя все время по компасу на юг, насколько это позволял ветер, но 11 января 1841 года на $71^{\circ}15'$ ю. ш. заметил белые вершины горы Сабин, а вскоре после этого и мыс Адэр. Земля помешала намерению Росса достичь Магнитного полюса, он повернул точно на юг, вошел в море, которое сейчас носит его имя, и, много дней плывя вдоль его берега – горы по правому борту, вода – по левому, – открыл и окрестил длинную цепь гор, которые на протяжении 800 километров отделяют море от Антарктического плато. 27 января *«при благоприятном ветре и очень хоро-*

⁵ Джеймс Кларк Росс до этого приобрел известность своим участием в арктических экспедициях У. Парри в 1819–1827 годах и своего дяди Джона Росса в 1829–1833 годах в проливах Канадского Арктического архипелага. В частности, в 1831 году он открыл Северный магнитный полюс, что и определило направление его интересов в Антарктиде.

шей видимости мы остановились близ какой-то земли, замеченной еще в полдень накануне и названной нами впоследствии Хай-Айленд; она оказалась горой высотой 3700 метров⁶ над уровнем моря, испускавшей обильно дым и пламя; дым мы сначала приняли за снежное облако, но при ближайшем рассмотрении поняли его истинную природу... Я назвал эту гору – Эребус, а находящийся к востоку от нее потухший вулкан, несколько меньшей величины, – Террор». Это первое упоминание о двух наших старых друзьях, а стоят они на острове Росса.

«Приблизившись под всеми лиселями⁷ к земле, мы различили над самым морем белую полосу, уходившую от ее крайней восточной точки сколько хватал глаз на восток. Это было замечательное зрелище – чем ближе мы подходили к полосе, тем больше она вырастала в высоту и в конце концов оказалась вертикальным ледяным обрывом, возвышающимся на 45–60 метров над водой, с абсолютно плоской и ровной поверхностью, без каких-либо трещин или выемок на обращенной к морю гладкой стороне»[7].

Росс прошел километров четыреста вдоль этого ледяного барьера от мыса Крозир – так по имени капитана «Террора» он назвал восточную оконечность острова Росса. Эта точка, в которой соединяются земля, море и подвижный барьер,⁸ будет постоянно фигурировать в нашем рассказе. На обратном пути Росс зашел в залив, отделяющий остров Росса от возвышающихся на западе гор. 16 февраля «в 2.30 утра, когда установилась очень хорошая видимость, мы увидели гору Эребус, и нам открылся прекрасный вид на весь берег, по всей видимости, связывающий гору с материком, о чем мы ранее не подозревали». Читатель поймет, что в данном случае Росс ошибался, так как Эребус и Террор стоят на острове, соединенном с сушей только ледником. Далее он сообщает: «От мыса Бёрд (так звали старпома с «Эребуса») далеко на юго-запад тянется очень глубокая бухта, окаймленная низким берегом; эта бухта, плохо различимая издали, требовала обследования; а так как слабый вест препятствовал нашему продвижению в этом направлении сквозь молодой лед, покрывший теперь океан повсеместно – насколько мы могли видеть с верхушки мачты, – я решил подойти к бухте и рассмотреть ее повнимательнее, определить более точно ее протяженность и прочие параметры. В полдень мы находились на широте 76°32', долготе 166°12', наклонение 88°24' и восточное склонение 107°18'.

Днем нас почти застигло, и мы стали свидетелями могучих извержений вулкана Эребус, выбрасывавшего дым и пламя на гигантскую высоту. Но, как и в предыдущем случае, наблюдавшемся нами, мы не заметили истечения лавы из кратера, хотя сегодня взрывы были намного сильнее...

Вскоре после полуночи (16–17 февраля) подул ост, и мы до 4 часов утра шли на всех парусах южным курсом, хотя часом раньше отчетливо различали сушу, окаймляющую бухту и связывающую вулкан Эребус с материком. Я дал бухте имя старпома с «Террора» – Мак-Мёрдо, он вполне заслужил эту честь своей добросовестностью и высоким мастерством»[7]. Сейчас она называется заливом Мак-Мёрдо.

Ошибка Росса, посчитавшего, что Эребус соединяется с материком, объясняется тем, что он с большого удаления смотрел на мыс Хат, полуостровом вытянувшийся с юго-западной оконечности Эребуса на запад. Вероятно, ему был виден и мыс Минна Блафф, который выда-

⁶ Черри-Гаррард пользовался английскими единицами измерения, принятыми в начале XX века. Для удобства чтения они везде переведены в метрическую систему, кроме мест, отмеченных особо. – Ред.

⁷ Лисели – добавочные паруса, поднимавшиеся на парусных судах в дополнение к основным при слабых или попутных ветрах.

⁸ Термин «ледяной барьер» сохранялся в английских источниках еще длительное время и широко использовался на картах, связанных с деятельностью экспедиции Р. Скотта. По смыслу это лишь обрыв шельфового ледника в море, тогда как в современной литературе принят термин «шельфовый ледник». Читатель должен иметь в виду, что Э. Черри-Гаррард под термином «барьер» всюду понимает современный шельфовый ледник Росса в целом.

ется от материка на восток. Как раз между этими двумя мысами, напротив Блаффа, находятся острова Уайт, Блэк и Браун. Вполне естественно было принять их за сплошную сушу.

В ту пору существовала проблема – относить ли шельфовые ледники к морю, как это делали участники экспедиции Р. Скотта, или к суше, как это принято сейчас. Соответственно, во времена Р. Скотта крупные выходы коренных пород посреди шельфовых ледников назывались островами (в книге – Уайт, Блэк, Браун), а элементам скального обрамления в тылу шельфового ледника Росса присваивались наименования бухт, мысов (в книге – мыс Блафф, на современных картах – утес Блафф) и т. д., более подходящие для морского побережья. Именно такой подход сохранился в первой советской лоции Антарктиды. Точно так же на картах «Атласа Антарктики» пролив Мак-Мёрдо вслед за Джеймсом К. Россом назван заливом.

Росс прорвался через паковые льды⁹ в неизвестное море; прошел сотни километров вдоль гористого берега и около 600 километров вдоль Великого Ледяного Барьера (работы были завершены в 1842 году); проник на своих судах до очень высоких широт – 78°11' ю. – на четыре градуса дальше, чем Уэдделл. Ничуть не меньше и научные заслуги его экспедиции. Росс довольно точно определил местоположение Магнитного полюса, но, по его собственному признанию, был огорчен тем, что его естественной, но, *«может быть, слишком честолюбивой давнишней мечте»* – водрузить флаг родной страны на обоих магнитных полюсах планеты – не суждено было сбыться.

Более всего Росс стремился к точности, и его географические и научные наблюдения, данные измерений метеорологических параметров, температуры воды, течений, записи о жизни в океанах, по которым он плыл, поражают не только своим обилием, но и достоверностью.

Бесспорно, после возвращения Росса на родину в 1843 году позиции сторонников существования южного полярного континента сильно укрепились. Однако не было и никаких доказательств того, что открытые путешественниками разрозненные участки суши связаны между собой. Даже сейчас, в 1921 году, после двадцати лет упорных изысканий с применением самых современных технических средств, внутренние области этого предполагаемого материка, за исключением района моря Росса, совершенно не изучены¹⁰ и не нанесены на карты; да и края его известны лишь в дюжине пунктов, разбросанных по окружности длиною около 18 000 километров.

Доктор Леонард Хаксли в своей книге «Жизнь сэра Джозефа Хукера» сообщает много интересного об экспедиции Росса. Хукер, которому было 22 года, когда в 1839 году он покинул Англию, совмещал обязанности ботаника экспедиции и помощника хирурга на «Эребусе». При снаряжении экспедиции правительство очень плохо обошлось с биологическими науками, предоставив для их нужд 25 стоп бумаги, две ботанизирки, два ящика для живых растений – и только; не было ни инструментов, ни журнала, ни бутылей, а единственным фиксатором служил ром из корабельных запасов. А когда, вернувшись, экспедиция привезла богатые коллекции, их как следует так и не обработали. Сам Росс занимался земным магнетизмом, но проявлял большой интерес и к другим естественным наукам и уступил часть своей каюты Хукеру для работы. *«Почти каждый день я делаю зарисовки, иногда весь день напролет, с утра и до двух-трех часов ночи, и капитан помогает мне; с одной стороны стола сидит он, что-то пишет и вычисляет, с другой – я, рисую. Время от времени он отрывается от своих занятий, подходит ко мне, смотрит, что я делаю... Разумеется, между нами пару раз случались какие-*

⁹ Положение этого устойчивого ледового массива показано в «Атласе Антарктики».

¹⁰ Интенсивные работы по изучению Антарктиды начались в период Международного геофизического года (1957–1959), следует упомянуть также пересечение Западной Антарктиды на самолете Л. Элсуэртом и Х. Холликом-Кенионом в 1935 году.

то незначительные размолвки, ведь ни он, ни я не отличаемся ангельским нравом, но ничто не может затмить того великодушия, с которым он предоставил свою каюту в мое распоряжение, превратив ее в мой рабочий кабинет в ущерб себе».

В другом отрывке из писем Хукера читаем:

«В области географических открытий экспедиция принесла замечательные результаты, и это доказывает только, чего можно добиться, если проявить хоть малую толику упорства, ибо мы не находились в опасных условиях и вообще не испытывали никаких трудностей. Среди полярных путешественников существует своего рода негласный договор – поддерживать свою репутацию людей, совершающих чудеса; поэтому те из нас, кто попал во льды впервые, готовили себя к обморожениям, придавали неоправданно важное значение такой простой операции, как прорыв через пак, и т. д. Теперь-то эти опасения развеялись, но я не собираюсь всем об этом сообщать. Я имею в виду не исследователей суши, действительно претерпевающих неслыханные тяготы, а путешественников, которые живут на уютном корабле, мало соприкасаются со льдами и должны только проявлять необходимую осторожность».

Если бы Хукер в то время мог знать, как Скотт будет руководить экспедицией, о которой я собираюсь рассказать, и какую научную деятельность развернет капитан «Терра-Новы» Пеннелл после высадки Скотта на сушу, он, Хукер, несомненно внес бы поправки в следующее свое высказывание: *«Вряд ли еще когда-нибудь натуралисту выпадет счастье плавать с капитаном, настолько преданным делу морской зоологии и настолько пекущимся об использовании малейшей возможности для обогащения коллекций...»*

Наконец, из книги мы узнаем и об условиях секретности, в которых проводились все работы – никакие научные результаты не должны были раньше времени стать известными из переписки с родными. Есть в книге и такой эпизод: Хукер спрыгивает с трюмного люка, держа в руке шкурку пингвина, которую он собирался набить лично для себя, и со всех ног уносится прочь, чтобы не встретиться с неожиданно появившимся на корме Россом. Нечто подобное случилось и на «Терра-Нове»!

По возвращении на родину Росса встретил холодный прием, и в 1905 году Скотт написал Хукеру:

«На первый взгляд это кажется непонятным, поскольку сейчас сделанная им работа ценится очень высоко. Но я всегда считал, что широкая публика обходит его вниманием и что сам он, как вы однажды справедливо заметили, в написанной им книге слишком скромно рассказывает о своих заслугах. Я не знал, что Барроу явился тем злым духом, который так много сделал, чтобы обесценить результаты Росса¹¹. Весьма любопытная подробность истории экспедиции»[8].

Говоря о необходимости антарктической экспедиции, всячески за нее ратуя, – в конце концов такая экспедиция была снаряжена на «Дисковери» под командованием Скотта, – Хукер особенно подчеркивает важность исследований в Южном океане, изобилующем различными видами растений и животных. По поводу того факта, что обширные коллекции, собранные в основном лично им, так и остались необработанными за исключением диатомовых водорослей, он замечает:

«Я надеюсь, что лучшая участь ожидает те сокровища, которые несомненно доставит предполагаемая экспедиция: ведь океан так богат, что натуралисту не управиться и в двадцать четыре часа всех светлых суток целого антарктического лета; я предвижу, что сопоставление живого мира океанов в Арктике и Антарктике возвестит новую эпоху в истории биологии»[8].

¹¹ Настороженное отношение в английском обществе к Джону Россу и Джеймсу Кларку Россу было обусловлено их предшествующей деятельностью в Арктике, в частности неудачными (по мнению ряда общественных деятелей, вроде секретаря Адмиралтейства Дж. Барроу) попытками открыть Северо-Западный проход.

В те времена, когда Росс плавал в Антарктику, считалось, что в глубинах океана нет ни пищи, ни кислорода, ни света, и поэтому нет жизни. Исследования Росса в числе прочего дали основания предполагать, что это не так. Впоследствии, а именно в 1873 году, прокладка подводных кабелей вызвала необходимость изучения абиссальных глубин, и «Челленджер» доказал, что там существуют не просто живые существа, причем высокоорганизованные, но даже рыбы, способные видеть. В настоящее время можно считать почти установленным, что в Южном океане существует мощное течение, которое несет на север обогащенные кислородом воды под водной толщей всех океанов мира.

Россу, можно считать, повезло. В его время окраинные районы огромного Антарктического материка были разведаны на сравнительно низких широтах – около 66° ю. ш., кое-где даже севернее Южного полярного круга. Он же к югу от Новой Зеландии попал в глубокую выемку, по которой прошел до широты 78°. Из этой выемки, известной сейчас под названием моря Росса, отправлялись все санные экспедиции к Южному полюсу. Я так много внимания уделил описанию открытий Росса потому, что эти участки воды и суши занимают очень почетное место на страницах моего повествования. Да и в истории исследования Антарктики они играют весьма важную роль: после того как Росс морем проник так далеко на юг и сделал замечательные открытия, напрашивался следующий шаг – другому путешественнику продолжить его маршрут, но уже по суше. Поразительно, что понадобилось целых 60 лет, чтобы появился такой путешественник. Это был Скотт. За те 60 лет, что отделяют Скотта от Росса, карта Антарктики фактически не изменилась. Скотт всю свою энергию направил на сушу, именно он родоначальник санных походов в Антарктике.

В тот период сильно возрос интерес к науке – и чисто теоретической, и прикладной, а между тем, как было замечено в 1893 году, «о планете Марс известно было больше, чем об огромном районе нашей Земли». В 1874 году «Челленджер» провел за Южным полярным кругом три недели и доставил образцы со дна холодных морей, вызвавшие большой интерес. Но вот Борхгревинк в 1897 году высадился на мысе Адэр и построил там дом – он до сих пор цел и очень пригодился нашей партии, работавшей на мысу. В нем Борхгревинк провел зиму – это была первая зимовка в Антарктике.

А тем временем в Арктике работа кипела. Парри, Мак-Клинтон, Франклин, Маркем, Нэрс, Грили и Де-Лонг – лишь немногие из тех, кто миля за милю пробивался через ледяные торосы и открытые полыньи с помощью технических средств, которые сейчас кажутся нам примитивными; при этом они обогащали науку крупицами знаний, часто совершенно несопоставимыми с постигавшими их лишениями, а порою и катастрофами. Для тех, кому довелось плавать под началом Скотта, экспедиция Франклина представляла особый интерес, так как те самые суда, что открыли остров Росса, – «Эребус» и «Террор» – после гибели Франклина были затерты северными льдами и тот самый капитан Крозир, чьим именем Росс назвал мыс, взял на себя командование и возглавил поход – самый злосчастный во всей истории исследований; больше мы о нем ничего не знаем и не узнаем никогда, так как никого из его участников не осталось в живых. Сейчас, среди шума и грохота Лондона, точно напротив памятника Франклину и его людям с «Эребуса» и «Террора», стоит памятник Скотту. Их, наверное, волнуют общие мысли.

Англичане первыми отправились на завоевание севера,¹² но нельзя не признать, что самое замечательное путешествие совершил в 1893–1896 годах норвежец Нансен. Он полагал, что из района Новосибирских островов на запад через полюс устремляется течение, подтверждением чему служат найденные вблизи побережья Гренландии обломки судна «Жанетта»,

¹² Такое утверждение не соответствует действительности – традиционно первое плавание в высокие широты приписывается мессалийскому греку Пифею, добравшемуся в 325 году до н. э. до таинственной суши, которую он назвал Туле. Задолго до того, как англичане отправились в высокие широты, там побывали норманны и поморы.

раздавленного льдами у берегов этих островов. По дерзкому плану Нансена, судно с командой должно было вмерзнуть в лед и от дрейфовать по течению к полюсу или к его окрестностям. Специально для этой цели был построен «Фрам», самое знаменитое из всех арктических судов. Сконструированное Колином Арчером судно имело форму яйца, ширина его составляла треть длины. Вопреки мнению большинства авторитетных специалистов, Нансен был убежден, что судно таких очертаний выдержит напор льдов – они лишь выдавят его наверх, не причинив вреда. Даже сейчас, спустя 28 лет, словно увлекательный роман читаешь историю удивительного плавания «Фрама» с экипажем из тринадцати человек на борту. В сентябре 1893 года у северного побережья Сибири (на 79° с. ш.) корабль вмерз в лед, он сотрясаясь и вибрировал среди грохота наступающих льдов, но в конце концов – точно по замыслу создателей – они выжали его на поверхность. 2 февраля 1894 года «Фрам» пересек 80-ю параллель. Но уже в первую зиму Нансеном овладело беспокойство: дрейф происходил очень медленно, иногда и вовсе в обратном направлении, только на вторую осень путешественники достигли 82° с. ш. Тогда Нансен решил весной попытаться продвинуться дальше в северном направлении на санях. Он не сомневался, как он мне говорил, что корабль свое дело сделает при любых обстоятельствах. Но нельзя ли сделать еще больше?

Это было одно из самых смелых решений, принимавшихся когда-либо полярными исследователями. Оно предполагало, что путешественники покидают судно, на которое уже не смогут вернуться, что обратный путь на сушу им придется проделать по дрейфующему льду, ближайшая же известная земля находится в 800 километрах южнее той точки, откуда они стартовали на север, и передвигаться им надо будет и по морю, и по льду.

Нет сомнений в том, что покинуть «Фрам» было опаснее, чем оставаться на нем. Нелепо и абсурдно утверждать, как это сделал Грили после почти чудесного возвращения Нансена, что он бросил своих людей на затертом льдами судне и заслуживает поэтому порицания[9]. Командование судном было доверено Свердрупу. Нансен взял себе в спутники только Юхансена, которому будет суждено совершить еще одно плавание на «Фраме», но уже с Амундсеном и на юг.

Полярных путешественников так занимают все перипетии и трудности санного похода Нансена, что они порой забывают о его снаряжении, которое для нас, исследователей южнополярных областей, имело первостепенный интерес. В современном понимании полярные путешествия начинаются с Нансена. Именно он впервые использовал легкие сани, поставленные на норвежские полозья, вместо тяжелых английских саней типа эскимосских. Примуса, провиант, палатки, одежда и тысяча других мелочей, без которых ни одно путешествие не имеет в наше время шансов на успех, – все это совсем недавно было введено в полярный быт Нансеном, хотя он, конечно, опирался на многовековой опыт путешественников. Сам Нансен писал об английских полярниках: «Как хорошо было продумано и выполнено с помощью скромных средств их снаряжение! Воистину, нет ничего нового под солнцем. Как я убедился, они предвосхитили почти все то, чем я гордился и что считал своим нововведением. Мак-Клинток пользовался таким же снаряжением сорок лет назад. Они не виноваты в том, что родились в стране, не знающей лыж[9].»

Тем больше заслуги людей, которые, располагая несовершенным снаряжением прошлых лет, отваживались на такие дальние путешествия. Для нас же важнее всего, что, если Скотт является родоначальником санных походов в Антарктике, Нансен – родоначальник современных санных походов вообще.¹³

¹³ Как это ни парадоксально, автор упускает здесь один из главных элементов, определивших успех Ф. Нансена в его походе с Х. Юхансеном – использование собачьих упряжек. Читателю тем более важно знать это обстоятельство, что отказ от собак, по мнению целого ряда исследователей (в первую очередь Р. Амундсена), обусловил трагический финал похода Р. Скотта на полюс.

Четырнадцатого марта, через несколько дней после возвращения солнца, когда «Фрам» находился на $84^{\circ}4$ с. ш., Нансен и Юхансен вышли в путь на трех санях (на двух из них лежали каяки) с 28 собаками. 8 апреля они достигли самой северной точки – $86^{\circ}13'6''$ – так сообщает в своей книге Нансен. Мне же он говорил, что профессор Гильмюйден, которому он передал свои астрономические выкладки и дневник, посчитал, что из-за рефракции видимый горизонт был приподнят и в таком случае должны быть соответственно уменьшены результаты наблюдений. Поэтому Нансен приводит в книге уже скорректированную в сторону уменьшения широту, хотя, по его словам, обсервация производилась при совершенно чистом горизонте, а следовательно, на самом деле путники находились на более высокой широте. Он использовал секстан и искусственный горизонт.

Отсюда они повернули назад, но им пришлось обходить торосы и открытые полыньи, и они не вышли к предполагаемой земле на 83° с. ш., которая в действительности не существует. В конце июня им пришлось преодолевать полыньи на каяках, сильно пострадавших в трудном пути и требовавших бесконечных починок. Переживая плохую погоду, они долго стояли лагерем, и Нансен все время наблюдал какое-то белое пятно, как он думал, – облако. Наконец 24 июля показалась земля – она-то и была этим белым пятном. Через две недели они добрались до нее – это оказалась цепочка островов. Не зная, что это за архипелаг, – их корабельный хронометр остановился – путешественники миновали его и продолжали двигаться на юго-запад, пока не наступила зима. Они построили себе хижину из камней, мха и снега, покрыли ее шкурами моржей, освежаванных прямо в воде, так как вытащить тушу на берег не под силу двоим мужчинам. Когда я встретился с Нансеном, он уже забыл о всех этих злоключениях и не верил, что пережил их, пока я не показал ему им же написанную книгу. Зиму они пролежали под крышей дома, в старой одежде, настолько пропитавшейся ворванью, что она соскребалась ножом с рубашек. Пришлось шить себе новую одежду из одеял и мастерить спальные мешки из шкур медведей, мясом которых они питались. В мае следующего года они выступили в поход на Шпицберген. Шли целый месяц, в течение которого по крайней мере два раза были на волосок от гибели: сначала течением унесло их каяки, Нансен бросился за ними вплавь по ледяной воде и успел догнать как раз в тот момент, когда уже начал погружаться под воду к ужасу наблюдавшего за ним с берега Юхансена; в другой раз морж напал на лодку Нансена и чуть не пробил ее клыками и лапами. И вот однажды, проснувшись утром и оглядывая в незнакомом месте неприветливые ледники и обнаженные скалы, Нансен услышал собачий лай. Сильно взволнованный, он бросился навстречу звукам и увидел одного из руководителей английской экспедиции Джэксона – Хармсуорта, зимовавшего здесь со своим отрядом. Тот первым сообщил Нансену, что они находятся на Земле Франца-Иосифа. В конечном итоге Нансен и Юхансен высадились в Вардё, на севере Норвегии, где узнали, что о «Фраме» пока нет известий. Именно в этот день судно освободилось ото льдов, сковывавших его почти три года.

Я не могу рассказывать подробно о дрейфе «Фрама», скажу лишь, что судно достигло $85^{\circ}55'$ с. ш., то есть ему оставалось всего лишь 30 километров до самой северной точки, достигнутой Нансеном. А вот санный поход и зимовка Нансена и Юхансена имеют много общего с судьбой нашей северной партии; в долгую зиму 1912 года мы не раз с надеждой вспоминали о них – коль скоро такой случай мог произойти единожды, рассуждали мы, то почему бы ему не повториться, почему бы Кемпбеллу и его людям также не выжить?

Еще до плавания Нансена дух приключений, издавна толкавший людей в неведомое, в сочетании с жадой познания ради самого познания заставил цивилизованный мир обратиться мыслями к югу. В воздухе витала мысль о том, что материк такой величины с его своеобразным климатом может оказывать решающее влияние на изменения погоды во всем Южном полушарии. Важное значение магнетизма лишь усугублялось окружающей его тайной, а район вокруг Южного магнитного полюса представлялся щедрой нивой для проведения экспериментов и наблюдений. История этой земли на протяжении прошлых геологических эпох имела бесспор-

ный интерес для геологической истории всего земного шара, а изучение образования суши и поведения льда могло сказать специалисту по физической географии больше, чем исследования в любом другом районе мира, – в Антарктике он мог наблюдать ежедневные и даже ежечасные изменения, которые, как ему известно, в эпоху оледенения происходили во всем мире, но сейчас прослеживаются только по оставленным ими следам. Да и для биологии освоение Антарктики могло иметь первостепенное значение, так как живой мир моря играет важнейшую роль в изучении эволюционного процесса.

Руководствуясь этими идеями и целями, Королевское общество и Королевское географическое общество при активной поддержке британского правительства организовали первую экспедицию Скотта, официально именуемую Английской антарктической экспедицией 1901–1904 годов, а неофициально – Экспедицией «Дисковери», по названию судна,¹⁴ на котором она плыла. Офицерский состав и команда почти все были военными моряками, для осуществления научных целей экспедиции были приданы пятеро ученых. Все они были гражданскими лицами.

«Дисковери» вышло из Новой Зеландии в канун Рождества 1901 года и сразу за Южным полярным кругом вступило в полосу паковых льдов, всегда преграждающих доступ к сравнительно чистой воде. Как мы теперь понимаем, судну повезло – оно преодолело пак чуть больше чем за четыре дня. Скотт достиг мыса Адэр, а затем, как и Росс шестьюдесятью годами раньше, пошел вдоль западного берега Земли Виктории. Продвигаясь на юг, он не переставал искать удобную зимнюю стоянку для судна, и когда 21 января 1902 года он вошел в залив Мак-Мёрдо, то решил, что здесь он найдет как закрытую бухту, где «Дисковери» спокойно перезимует, вмерзши в лед, так и проход дальше на юг.

Пока море не замерзло и судно еще могло передвигаться, экспедиция обследовала 800 километров скалистого обрыва, составляющего северную границу Великого Ледяного Барьера. Миновав крайнюю восточную точку, достигнутую Россом в 1842 году, путешественники вступили в неизведанный мир и открыли глубокую бухту, которую назвали Бэллун; ее округлые заснеженные склоны безусловно были сушей, а не плавучими льдами, в отличие от того, что встречалось им ранее. По мере продвижения на восток мелкие заливчики и мягкие, покрытые снегом склоны уступили место более крутым возвышенностям с сильно изрезанной поверхностью, затем на снегу стали появляться небольшие черные пятна, бесспорно говорившие о наличии скал, и, наконец, на высоту нескольких тысяч метров вознеслась неизвестная земля, носящая ныне имя Короля Эдуарда VII. Толстый пак впереди и приближение зимы заставили Скотта вернуться в залив Мак-Мёрдо и поставить «Дисковери» на якорь в небольшой бухточке у оконечности выдающегося в море клочка суши, известного ныне под названием полуострова мыса Хат; здесь он построил хижину, мало использовавшуюся в дни «Дисковери», но сыгравшую важную роль в истории его последней экспедиции. Первая осень прошла в разнообразных коротких походах, во время которых были открыты не только окрестные районы, но и множество недостатков в снаряжении и бытовом устройстве экспедиции. Оглядываясь назад на эти первые усилия экспедиции «Дисковери», нельзя не удивляться, что она не закончилась более трагически, чем это было в действительности. Когда читаешь о собачьих упряжках, отказывавшихся стронуться с места, о пеммикане, слишком жирном для употребления в пищу, о намерении двух офицеров за один день подняться на Эребус и спуститься вниз, о санных партиях, не умевших обращаться с примусами и лампами, ставить палатки и даже облачаться в свою одежду, поражаешься, что процесс обучения был оплачен столь незначительной ценой. *«Ни один предмет из снаряжения не был опробован заранее; при общем преобладающем невежестве бросалось в глаза полное отсутствие какой-либо системы»*[6].

¹⁴ Барк «Дисковери» – первое специально построенное экспедиционное судно. В настоящее время стоит на вечной стоянке как судно-музей на Темзе, у Сент-Кэтрин-док в Лондоне.

Это привело к трагедии. Санную партию на пути домой у вершины полуострова, около скалы Касл, застала метель. Они успели поставить лагерь и могли бы, поев горячего, переждать бурю, лежа со всеми удобствами в спальных мешках. Но примусы не разжигались, и, промерзнув в кожаной обуви и недостаточно теплой одежде, путешественники решили покинуть палатку и идти к судну – чистое безумство, как мы теперь понимаем. Пробираясь ощупью сквозь завывающую метель, многие из них спотыкались и падали на крутом скользком склоне высотой в несколько тысяч метров, заканчивающемся ледяным обрывом, нависшим над морем. Это место и в тихий летний день труднопроходимо, а во время метели оно, должно быть, ужасно. И все же только один человек, Винс, сорвался со склона и улетел в пропасть, а оттуда в море. Как выбрались остальные – известно одному Всевышнему. Матрос Хейр отстал от группы и остался лежать под скалой – очнулся он через тридцать шесть часов, занесенный снегом, но в полном здравии и без обморожений. Маленький крест на мысле Хат увековечил память о гибели Винса. Среди участников партии был простой матрос по фамилии Уайлд.

Речь идет об известном полярнике Фрэнке Уайлде, сыгравшем особую роль в экспедициях Э. Шеклтона. Ф. Уайлд принимал участие в походе Э. Шеклтона к Южному полюсу в 1908–1909 годах, возглавлял зимовку Западной партии экспедиции Дугласа Моусона на шельфовом леднике Шеклтона в 1912–1913 годах. Был оставлен Э. Шеклтоном во главе экипажа экспедиционного судна «Эндьюранс», высадившегося на остров Элефант после гибели судна, в то время как сам Шеклтон совершил плавание в шлюпке к Южной Георгии поперек моря Скоша в поисках помощи. После смерти Э. Шеклтона на борту экспедиционного судна «Квест» в 1922 году закончил намеченные исследования в антарктических водах.

После гибели Винса он повел пятерых оставшихся в живых. Впоследствии в экспедициях Шеклтона и Моусона он также нередко брал на себя руководство; немного, наверное, найдется на земле таких, как он, врожденных полярных путешественников.

Эрнст Шеклтон – один из самых крупных исследователей Антарктиды первой четверти нашего века. Первым в 1908 году обнаружил проход через Трансантарктические горы по леднику Бирдмора на ледниковый покров Антарктиды в окрестностях полюса, до которого не дошел 180 км. Позднее разработал план пересечения Антарктиды. Попытка осуществления плана в 1914–1916 годах привела к гибели экспедиционного судна «Эндьюранс». Умер на борту экспедиционного судна «Квест» в 1922 году.

Я так много внимания уделил промахам первых санных походов экспедиции «Дисковери», чтобы показать, насколько важен для путешественников по Антарктике опыт, как свой собственный, так и чужой. В 1902 году Скотт и его люди были пионерами. Свой опыт они приобретали ценой, которая могла бы быть и выше, и каждая последующая экспедиция добавляла к накопленному опыту свой. Самое главное, чтобы ничто из приобретенного не пропало. Поэтому одну из основных задач этой книги я вижу в том, чтобы как можно подробнее рассказать о методах, снаряжении, провианте и рационах в экспедиции Скотта на благо грядущим экспедициям. *«Главная цель рассказа о полярном путешествии – облегчить путь будущим экспедициям; автор прежде всего должен исполнить долг перед своими последователями»* [6].

После осенних неудач участники экспедиции «Дисковери» взялись за подготовку к двум предстоящим летним сезонам. Проявленные ими при этом способности к адаптации, находчивость и изобретательность доказали, что им по силам справиться с любыми трудностями. Скотт признавал, что *«еда, одежда – все не отвечало условиям, вся система была неправильной»* [6]. Но он сделал все возможное и невозможное, чтобы научиться на своих ошибках и разработать стройную методику исследований в Антарктике. После решительной реорганиза-

ции, проведенной зимой, 2 ноября 1903 года он отправился с двумя товарищами – Уилсоном и Шеклтоном – в первый поход на юг.

Я не собираюсь подробно описывать это путешествие. Собаки сдали – может быть, норвежская вяленая рыба, взятая им на корм, протухла при пересечении тропических широт, – так или иначе, они все заболели, и даже тех, что не подошли, пришлось забить до окончания похода. Через две недели после старта партия перешла на челночный способ: переносила часть груза вперед и возвращалась за следующей порцией, и так на протяжении тридцати одного дня.

Провианта не хватало, и вскоре они начали голодать, но только 21 декабря Уилсон сообщил Скотту, что уже некоторое время замечает у Шеклтона признаки цинги. 30 декабря, находясь на 80°16' ю. ш., они решили возвращаться. К середине января симптомы цинги резко усилились, Шеклтон был серьезно болен и харкал кровью. Его состояние внушало все большее беспокойство; 18 января он слег, но потом собрался с силами и поднялся на ноги. Он то шел сам рядом с санями, то его везли на них, во всяком случае, он выжил – Скотт и Уилсон спасли ему жизнь. Путешественники дошли до судна 3 февраля, покрыв за 93 дня 1500 километров. Скотт и Уилсон были крайне истощены и тоже серьезно больны цингой. Поход был очень плодотворным, среди его географических результатов – нанесение на карту еще одного отрезка береговой линии протяженностью около 500 километров и новые сведения о Барьере, по которому шли путники.

Пока Скотт ходил на юг, была предпринята организованная попытка исследовать горы и ледники, лежащие по другую сторону залива на западе. Эта партия достигла расположенного за горами плато и поднялась на высоту 2700 метров, а там, *«впереди, насколько хватал глаз в западном направлении, повсюду расстилось ровное плато, на севере и юге виднелись отдельные нунатаки, а позади возвышались высокие горы, через которые они перевалили»*, – так был найден путь на запад.

Я ограничусь описанием этих двух, самых важных из множества походов, предпринятых в тот сезон; не буду задерживаться и на плодотворных научных исследованиях этой девственной земли, не прекращавшихся ни на миг. Тем временем подошло спасательное судно «Морнинг». Предполагалось, что как только морской лед, заточивший «ДисCOVERи», взломается, освободившееся судно уйдет из антарктических вод. Но к исходу февраля стало ясно, что ледовая обстановка сильно изменилась по сравнению с предыдущим годом. 8 февраля «Морнинг» еще отделяли от «ДисCOVERи» 13 километров твердого льда. Ко 2 марта судну с большой осадкой, каким являлся «Морнинг», стало уже опасно оставаться в заливе, и оно ушло. К 13 марта надежд на освобождение «ДисCOVERи» в этом сезоне не осталось.

Вторая зима прошла примерно так же, как и первая, а с наступлением весны возобновились санные походы. Эти вылазки на Барьер, при дневном солнечном освещении и круглосуточной низкой температуре, были связаны с большими неудобствами и, что еще хуже, с недосыпанием, обморожениями, быстрым накоплением влаги в одежде и спальных мешках: приходилось теплом своего тела оттаивать большое количество льда, чтобы почувствовать себя более или менее уютно. Две недели были предельным сроком для такого похода, но обычно партии его не выдерживали; в то время весеннее путешествие считалось ужасным испытанием. «То ли еще будет в весеннем походе», – пугали нас старожилы. Они и помыслить не могли, чтобы зимой предпринять путешествие, которое бы длилось втрое дольше весеннего. Будущим исследователям я советую совершать такие походы только мысленно.

Самый трудный поход того года предпринял Скотт с двумя моряками, о которых будет говориться в моем рассказе. Их имена Эдгар Эванс и Лэшли. Целью похода было исследовать плато еще западнее. По леднику Феррара они достигли больших высот на покрове льда, преодолев серьезные неприятности, из которых не последней была утрата необходимых навигационных таблиц: они содержались в прекрасной книге «Советы путешественникам», унесенной ветром. Тут впервые стало ясно, что дополнительные трудности создаются климатом и

положением этого высокого покрова, который, как мы теперь знаем, простирается до самого полюса и, вероятно, занимает большую часть Антарктического материка. Было начало ноября, то есть наступало лето, а условия работы мало чем отличались от тех, в каких проходили весенние вылазки на Барьер. Температура¹⁵ опустилась до -40°C , но больше всего досаждал не утихавший встречный ветер с запада – в сочетании с низкой температурой и разреженным воздухом он чрезвычайно затруднял передвижение в санной упряжке. Вспомогательная партия вернулась, а трое людей в одиночестве продолжали тащить сани на запад, в неизведанную снежную пустыню, суровое однообразие которой не нарушали никакие ориентиры. 1 декабря они повернули обратно, но везти сани оказалось очень трудно, а хуже всего было то, что они не знали своих точных координат. Приближаясь к горам, путешественники попытались сориентироваться на местности в просветах, но все время был туман. Ждать, пока туман рассеется, было невозможно – мучил голод; так что им оставалось только продолжать двигаться на восток. Среди нагромождений льда, характерных для верховьев ледника, партия брела вслепую сквозь густые хлопья задувшей метели. Вдруг Лэшли поскользнулся – через мгновение вся партия неслась вниз, набирая скорость. Плавный спуск внезапно оборвался, и, пролетев какое-то расстояние по воздуху, они оказались на покато снежном склоне. Поднявшись на ноги, они увидели над собой на высоте 100 метров ледопад, с которого свалились – там по-прежнему мело, – но вокруг них все было тихо, и виднелось голубое небо. Только тут они узнали свой родной ледник со знакомыми приметами и дымящуюся вдали вершину вулкана Эребус. Это походило на чудо.

Недостаток места не позволяет рассказать о вспомогательных походах, предпринятых путешественниками, да они и не имеют непосредственного отношения к нашему повествованию о последней экспедиции Скотта. Но если даже не из любви к самой теме, то для понимания нашего зимнего путешествия, необходимо сообщить хотя бы краткие сведения о самых аристократических обитателях Антарктики – императорских пингвинах, с которыми близко познакомилась Уилсон и его товарищи с «Дисковери».

В Антарктике водятся два вида пингвинов: маленькие пингвины Адели в сине-черных шубках с белыми манишками, весом около 8 килограммов, – бесконечно забавные и милые существа; и огромные императорские пингвины, преисполненные чувства собственного достоинства, с длинными загнутыми клювами, ярко-оранжевым головным убором и мощными плавниками; один такой экземпляр тянет до 42 килограммов. Науке особенно интересен императорский пингвин, потому что это очень примитивная птица, возможно, даже самая примитивная из всех современных пернатых. До экспедиции «Дисковери» о нем ничего не было известно, кроме того что он живет в паковых льдах и на окраинах континента.

Мы знали, что остров Росса на востоке оканчивается мысом Крозир, который был открыт Джемсом Россом и назван в честь капитана «Террора». Здесь движущийся ледяной щит Барьера, наталкиваясь на гору, собирается гигантскими складками. Здесь же тянувшийся на сотни километров на восток огромный ледяной утес – сзади его подпирает Барьер, а спереди грызет море Росса, выедавая пещеры и трещины, – смыкается с базальтовой скалой, которою обрывается Нолл, двугорбая седловина, образующая мыс Крозир. Одним словом, это местечко из тех, где в детстве развлекались великаны, но – чистюли – они строили крепости не из песка, а из льда.

Однако склоны горы Террор не везде заканчиваются обрывами. Западнее они полого спускаются к морю, чем и воспользовались пингвины Адели, основав здесь одну из самых больших и зловонных своих колоний. Проходя мимо нее, «Дисковери» спустило шлюпку, и матросы установили на берегу столб с запиской, который должен был служить путеводным

¹⁵ До 1960-х годов во всех англоязычных странах использовались градусы Фаренгейта. Для удобства в этом издании все температуры переведены в градусы Цельсия. (– Ред.)

знаком вспомогательному судну на следующий год. Столб стоит по сей день. Впоследствии потребовалось исправить содержание записки, и одна из первых санных партий отправилась на поиски пути к этому месту по Барьеру.

Достигнуть его помешали следовавшие одна за другой сильнейшие метели – недаром мыс Крозир считается одним из самых ветреных мест на Земле, – но участники похода твердо убедились в том, что на склонах горы Террор, позади Нолла, есть «задняя дверь» в пингвиновую колонию. В начале следующего года другая партия благополучно достигла столба и, обследуя окрестности, взглянула вниз с высоты 240-метрового обрыва, уходящего к кончику мыса. Море было сплошь покрыто льдом, и в маленькой ледяной бухточке, образованной выступами Барьера, виднелись бесчисленные точки, оказавшиеся при внимательном рассмотрении императорскими пингвинами. Неужели это гнездовье прекрасных птиц? Если так, они должны насиживать яйца в середине зимы, среди немыслимого мрака и холода.

Прошло пять дней, прежде чем путешественники смогли ответить на этот вопрос, – свирепая метель заточила их в палатки. 18 октября они наконец начали подниматься на высокий гребень, преграждавший путь от Барьера к морю. Выяснилось, что они не ошиблись: перед ними была колония императорских пингвинов. Ветер унес морской лед из моря Росса, осталась нетронутой лишь ледяная бухточка, в которой несколько взрослых птиц кормили птенцов. Партия с «Дисковери» насчитала четыреста взрослых особей, тридцать живых птенцов и около восьмидесяти мертвых. Яиц не нашли[6].

Пока экспедиция «Дисковери» находилась на юге, к мысу Крозир предпринималось еще несколько вылазок, как правило, весной. Добытые сведения можно подытожить примерно так. Императорский пингвин не умеет летать, питается рыбой, которую ловит в море, и никогда не выходит на сушу, даже в брачный период. По непонятным в то время причинам он в течение зимы откладывает яйца на голый лед и на морском же льду их насиживает. Яйцо лежит на его лапах, тесно прижатое к участку голой кожи на нижней стороне брюха и защищенное от сильного мороза свободно висящей складкой оперенной кожи. К 12 сентября, сроку прибытия самой ранней партии, из всех уцелевших и не протухших яиц вывелись птенцы. Колония насчитывала тогда около тысячи взрослых императорских пингвинов. Прибыв снова 19 октября, партия попала в десятидневную метель, семь дней просидела в палатках, но и во время этого штормового визита ее участникам удалось стать свидетелями интересного зрелища. Но пусть об этом расскажет Уилсон – он там присутствовал:

«За день до начала шторма мы находились на старой отдаленной вершине горы Террор, примерно на высоте 400 метров над морем. Впереди расстилалось море Росса, до самого горизонта затянутое плотным белым льдом, а под нами в бухточке на льду располагалась колония императорских пингвинов. Даже полынья, которая обычно окаймляет край Барьера, вместе с ним погибает на восток и там исчезает из поля зрения, – и та замерзла. Нигде не было ни одной щелки открытой воды. Тем не менее императорские пингвины проявляли беспокойство – они, и это несомненно, предчувствовали приближение непогоды. Уже тот факт, что перед Барьером отсутствует обычная полоска открытой воды, говорил о том, что лед в море Росса дрейфует в южном направлении. Причиной этого необычного явления был северный ветер со снегопадом, являющийся в этих краях предвестником штормового зюйд-веста. Потемневшее небо имело грозный вид, барометр начал падать, и вскоре вершины горы Террор скрылись в снежных вихрях. Все эти предзнаменования были для императорских пингвинов как бы открытой книгой, как, впрочем, и многие другие, нам неизвестные. Поэтому птицы встревожились и, хотя лед еще не тронулся, пришли в движение. Длинной цепочкой они направлялись из бухты к открытому льду, где на краю замерзшего разводья, на участке протяженностью около трех километров, уже собрались от ста до двухсот птиц. Целый час, а то и больше, мы наблюдали в тот день за этим исходом и возвратились к своим палаткам в твердой уверенности, что следует ожидать перемены погоды. И мы не ошиблись – утром нас разбудило

завывание южного штормового ветра с поземкой, который никому не дал выйти из лагеря. Мело весь день и всю ночь, и только на следующее утро прояснилось настолько, что мы смогли добраться до края обрыва, нависшего над птичьим базаром.

Здесь произошли огромные изменения. Море Росса километров на пятьдесят освободилось ото льда; с того места, где мы стояли, с высоты 240–270 метров над морем, на горизонте была едва видна длинная полоса белого пака. По воде еще плыли большие льдины, дрейфовавшие на север, миграция пингвинов шла полным ходом. У кромки льда, близ чистой воды, снова стояли две группы пингвинов, чего-то ожидая, а сотня птиц вереницей шла к ним. Ожидавшие пингвины стояли у самой воды, на краю той льдины, которая должна была вот-вот оторваться и поплыть на север. Цепочка следов на снегу, где накануне прошествовали птицы, обрывалась у самой воды – значит, их уже унесло вместе со льдиной, – а под ледяным обрывом пингвинов стало намного меньше, едва ли половина того количества, которое мы наблюдали здесь шесть дней назад»[10].

Два дня спустя эмиграция все еще продолжалась, но в ней, похоже, участвовали только птицы, свободные от брачных дел. Те же, что пестовали птенцов, по-прежнему жались под ледяным обрывом, стараясь по мере сил защититься от ветра. Еще через три дня (28 октября) море Росса окончательно очистилось ото льда; маленькую ледяную бухточку постепенно размывала вода; исход продолжался, в колонии оставалось совсем немного птиц.

Об условиях, в которых императорские пингвины откладывают яйца – мраке, холоде, ураганах, о непомерно развитом материнском инстинкте, которым наделены все эти птицы, равно самки и самцы; о высокой смертности среди них, об отважной борьбе с почти невообразимыми опасностями; о том, что в конце концов сохраняется лишь процентов двадцать шесть яиц, – обо всем этом я надеюсь рассказать в связи с нашим зимним путешествием, которое имело своей целью исследовать развитие зародыша этой замечательной птицы, а следовательно, и историю ее предков. Уилсон писал:

«Если императорский пингвин, как мы предполагали, действительно ближе всех стоит к примитивной форме не только пингвинов, но и птиц вообще, то изучение его эмбриологии приобретает особый научный интерес. Мы были очень огорчены, что, хотя нам удалось найти гнездовье этих птиц и доставить в лагерь некоторое количество брошенных яиц и птенцов, мы не смогли получить серию эмбрионов на ранних стадиях развития, которые только и могут служить материалом для особенно важных исследований. Чтобы провести исследования на должном уровне, находясь в заливе Мак-Мёрдо, где зимовало «Дисковери», мы должны были бы преодолеть бесчисленные трудности, так как нам пришлось бы предпринимать санные походы в разгар зимы при почти полном отсутствии света. Когда бы ни вышла партия, состоящая по меньшей мере из трех человек, ей предстояло бы с полным походным снаряжением пройти во мраке 160 километров по поверхности Барьера и при неверном свете луны пересечь с помощью веревки и ледоруба огромные ледяные валы и образованные ими лабиринты трещин на мысе Крозир. Более того, при каждом посещении пингвиной колонии эти валы, прохождение которых и при дневном свете потребовало двух часов упорного труда, надо было бы преодолевать дважды – на пути туда и обратно. Переправить через них сани с лагерным снаряжением невозможно и при свете дня, зимой же, в темноте, это по сути дела просто немыслимо. Мыс Крозир является средоточием всех ветров и штормов: рельеф гор Эрбус и Террор превращает там малейшее дуновение ветра в затяжную бурю с сильной пургой. Как я уже писал, именно здесь во время одного из походов мы были вынуждены терпеливо отлеживаться в отсыревших спальных мешках сначала пять, а потом семь дней подряд, ожидая, когда погода переменится и мы сможем вылезти из палаток. Но даже если эти опасности будут преодолены, возникнут новые трудности, связанные с приготовлением из яиц необходимых препаратов. Партия должна прибыть на место не позднее начала июля. Если предположить, что она по прибытии не находит яиц, ей разумнее всего заняться кольцеванием птиц,

хотя бы тех, что обосновались поблизости, под самым ледяным обрывом. Это облегчит их ежедневный осмотр, для которого, впрочем, еще необходимы лунный свет и хорошая погода, что, признаться, не так часто бывает на мысе Крозир. Но если повезет и партия найдет яйца, целесообразно уже иметь построенный из ледяных глыб на морском льду домик и работать в нем, обогреваясь примусами, чтобы яйца не замерзли до извлечения из них эмбрионов и всегда был под рукой раствор, необходимый на различных стадиях их препарирования; ибо в это время, не забывайте, температура воздуха снаружи может колебаться от $-17,7^{\circ}$ до -45°C . Эта работа будет, конечно, сопряжена со множеством трудностей, но все же ее нельзя считать невозможной, и я пишу здесь о них как раз для того, чтобы помочь тем, на чью долю она может выпасть в будущем»[10].

С императорскими пингвинами мы еще встретимся, а сейчас нам пора возвратиться к «Дисковери», которое стоит у мыса Хат; лето проходит, а его отделяют от чистой воды 30 километров льда. Поскольку надежд на освобождение судна было, похоже, еще меньше, чем в предыдущем году, предприняли неудачную попытку пропилить во льду проход к открытому морю. И все же после санных походов Скотт и Уилсон наслаждались жизнью в палатке на мысе Ройдс и видом на синее море, который показался им еще прекраснее в одно январское утро, когда в дверном проеме палатки они увидели два судна. Откуда два? Одно было, естественно, «Морнинг», вторым оказалась «Терра-Нова».

По-видимому, доставленное год назад спасательным судном известие о том, что «Дисковери» не смогло высвободиться из льдов, а на борту и во время санных походов наблюдались симптомы цинги, обеспокоило правительство. Чтобы наверняка снять экспедицию, за ней направили два судна. В этом не было ничего тревожного, но привезенные приказания пришлись не по душе экипажу, который крепко привязался к своему судну, что «неудивительно, если вспомнить, какие невзгоды мы на нем пережили и каким уютным домом оно нам стало»[6]. Скотту было приказано покинуть «Дисковери», если оно не сможет своевременно выйти из льдов и последовать за спасательными судами на север. Долгие недели положение судна день ото дня практически не менялось. Уже начали перевозить образцы и вести другие подготовительные работы. На освобождение судна почти не надеялись. В начале февраля произошли взрывы льда, но это мало что дало. И вдруг что-то произошло, и 11 февраля, ко всеобщему ликованию, лед стал быстро вскрываться. Назавтра спасательные суда уже находились всего в шести километрах от «Дисковери». 14 февраля крики «Корабли идут, сэр!» заставили всех броситься по склонам к бухте Аррайвал. Скотт писал:

«Лед вскрывался по всему проливу, причем с невероятной быстротой. Не успевала одна крупная льдина отделиться, как по оставшемуся толстому слою льда пробегала темная борозда и отрезала следующий кусок, чтобы пополнить широкий поток пака, устремившийся на северо-запад.

Мне никогда не доводилось видеть более впечатляющее зрелище: позади нас низко стояло солнце, перед нами сверкала ослепительно белая поверхность льда, а по контрасту с ней море вдали и разводья казались почти черными. Ветер стих, и ни один звук не нарушал безмолвия.

Между тем среди этой мирной тишины какая-то неведомая страшная сила разрывала бескрайний ледяной покров, как если бы это была тончайшая бумага. К этому времени мы уже хорошо поняли, что собой представляет пленившая нас ледяная тюрьма: всякий раз, преодолевая по снегу бесконечные кошмарные километры, мы проникались сознанием грозной мощи удерживающей нас преграды; о нее, понимали мы, разбился бы самый крупный крейсер, мы видели, как миллионотонный айсберг беспомощно остановился у ее края. Много недель подряд мы боролись с этим могучим препятствием. И вот, без единого звука, без каких-либо усилий с нашей стороны, оно разрушилось, и мы знали, что еще час, другой, и от него не останется и следа, и свободное ото льда море будет лизать черные скалы мыса Хат»[6].

Далее события приняли чуть ли не драматический оборот, ибо как только «ДисCOVERи» освободилось из льдов, поднялся ветер и выбросил его на мель у мыса Хат. Час за часом судно билось о берег, и когда уже казалось, что за обретенную свободу оно заплатит своей гибелью, когда уже почти не оставалось никакой надежды, ветер стих, вода, отогнанная ветром, вернулась в пролив, и «ДисCOVERи» всплыло, не потерпев серьезного урона. Скотт в своей книге в подробностях описывает, как судно высвобождалось из льдов и потом село на мель.

Через несколько лет после этой истории в охотничьем домике в Шотландии я встретил Уилсона. По заданию специально созданной Королевской комиссии он занимался изучением инфекционной болезни куропаток. Я впервые ощутил обаяние этого человека и немного познакомился с методами его работы. Он и Скотт думали отправиться снова в Антарктику и завершить начатую работу, и я договорился, что они возьмут меня с собой, если одного моего желания будет достаточно. Шеклтон в то время или уже был на юге или готовился туда отправиться. Он вышел из Англии в 1908 году и в следующее антарктическое лето предпринял два замечательных похода. Первая партия, возглавляемая самим Шеклтоном, состояла из четырех человек и четырех пони. В ноябре она выступила с мыса Ройдс, где экспедиция зимовала в хижине, и пошла по Барьеру на юг по пути, не совпадавшему с маршрутом Скотта, пока дорогу ей не преградил вытянувшийся в восточном направлении горный хребет и хаотическое нагромождение сбросов гигантского ледника.

Однако в стороне от его главного русла, отделенный от него землей, которая сейчас называется островом Хоп, имелся узкий крутой снежный склон, ведущий к самому леднику. Смело устремившись на него, партия затем вышла к леднику Бирдмора, великому в своем роде, более чем в два раза превосходящему величиной всех своих известных собратьев. История их злоключений кого угодно заставит содрогнуться. С верхней точки ледника они повернули точно на юг, к полюсу, и, двигаясь по плато в очень трудных условиях, достигли широты 88°23', но из-за недостатка провианта вынуждены были повернуть обратно.

Пока Шеклтон пытался открыть географический полюс, другая партия из трех человек, под руководством профессора Дейвида, достигла Южного магнитного полюса, пройдя 2016 километров, из них 1180 – челночным способом, причем везли сани только сами люди, без какого-либо иного тягла. Это был замечательный поход,¹⁶ так что Шеклтон привез в 1909 году хорошие результаты. В том же году Пири после двенадцати лет путешествий по Арктике достиг Северного полюса.

Достижение Р. Пири Северного полюса в апреле 1909 года многими полярниками ставится под сомнение и сейчас, и в прошлом. Не случайно Р. Скотт поздравил Р. Пири не с достижением полюса, а только с утверждением своего первенства в достижении полюса (Г. Ладлем. Капитан Скотт. Л., Гидрометеиздат, 1972, с. 129). Известный исследователь Уолли Херберт в журнале *National Geographic Magazine*, 1988, V. 174, № 3, опубликовал ряд материалов, из которых следует, что Р. Пири не был на полюсе.

В 1909 году Скотт опубликовал планы своей второй экспедиции. Вот о ней-то и пойдет речь в этой книге.

Первого июня 1910 «Терра-Нова» вышла из Вест-Индских доков в Лондоне, а 15 июня – из Кардиффа. Судно взяло курс на Новую Зеландию, там были пополнены и уложены его грузы, взяты на борт собаки, пони, моторные сани, кое-какие дополнительные запасы провизии и снаряжения. Здесь же поднялись на борт те офицеры и ученые, которые не плыли из Лондона. 29 ноября 1910 года судно наконец отчалило, взяв курс на юг. 4 января 1911 года оно прибыло в залив Мак-Мёрдо, и меньше чем за две недели мы построили себе дом на мысе Эванс и

¹⁶ В этом походе принимал участие Дуглас Моусон, впоследствии возглавлявший многие австралийские экспедиции в Антарктиду.

выгрузили все вещи. Вскоре после этого судно ушло. Высаженная на мысе Эванс партия во главе со Скоттом известна как главная партия.

Предполагалось, что для выполнения научных задач экспедиции на Земле Короля Эдуарда VII высадится вторая партия с меньшим числом людей под началом Кемпбелла. В поисках подходящего для высадки места на этой земле группа Кемпбелла встретила в Китовой бухте¹⁷ норвежскую экспедицию Руала Амундсена на бывшем корабле Нансена – «Фраме». О ней говорится ниже. В экспедиции Амундсена участвовал Юхансен, единственный спутник Нансена в его знаменитом санном походе по Арктике, о котором вкратце рассказано выше. Кемпбелл с пятью товарищами высадились в конце концов на мысе Адэр и построили себе дом рядом со старой зимовкой Борхгревинка. Пеннелл отвел судно обратно в Новую Зеландию. Через год оно возвратилось в Антарктику с новыми запасами провизии и снаряжения, а еще через два года доставило в цивилизованный мир тех, кто выжил в этой экспедиции.

На долю главной партии выпало столько приключений и походов, причем одновременно, что, мне кажется, неподготовленному читателю будет легче разобраться в содержании книги, если я кратко расскажу о последовательности событий. Тот же, кто с ними знаком, может просто пропустить одну-две страницы.

В первую осень были образованы две партии: одной, во главе со Скоттом, предстояло заложить на Барьере склады для похода к полюсу, и она так и называлась – партия по устройству складов; другая должна была вести геологические изыскания в Западных горах – горах, которые образуют западный берег залива Мак-Мёрдо. Это первый геологический поход, а следующим летом с той же целью был предпринят второй геологический поход.

Обе партии в марте 1911 года встретились в старой хижине экспедиции «Дисковери» на мысе Хат и здесь выжидали, пока море замерзнет, чтобы уйти на север к мысу Эванс. Те же, кто оставался тем временем на мысе Эванс, продолжали вести комплексные научные наблюдения. В полном составе главная партия собралась для зимовки на мысе Эванс лишь к 12 мая. Во второй половине зимы три человека во главе с Уилсоном предприняли поход на мыс Крозир для изучения эмбриологии императорского пингвина; это так называемое зимнее путешествие.

Летом 1911–1912 года усилия большинства участников санных походов были направлены на подготовку завоевания Южного полюса. Партия с моторными санями снова отправилась на Барьер, с собачьими упряжками – к подножию ледника Бирдмора. Отсюда двенадцать человек пошли дальше. Четверо из них под командой Аткинсона – первая вспомогательная партия – повернули назад с верховьев ледника на широте 85°3'. Через две недели лейтенант Эванс увел еще двоих с 87°32' – вторую вспомогательную партию. Дальше к полюсу пошли пятеро: Скотт, Уилсон, Боуэрс, Отс и старшина Эванс. 17 января они достигли Южного полюса и обнаружили, что за 34 дня до них здесь уже побывал Амундсен. На обратном пути они прошли 1153 километра и погибли в 283 километрах от своей зимней базы.

Вспомогательные партии добрались до дома благополучно, правда, лейтенант Эванс был болен цингой в острой форме. В конце февраля 1912 года провиант для возвращающейся полюсной партии все еще находился на складе Одной тонны. Болезнь Эванса вынудила нас срочно пересмотреть планы, и мне было приказано взять одного человека и с двумя собачьими упряжками идти к складу и перебазировать продукты. Этот поход можно назвать походом на собаках к складу Одной тонны.

Обратимся теперь к шести членам экспедиции во главе с Кемпбеллом, которые в начале 1911 года высадились на мысе Адэр. Они были весьма огорчены тем, что летом 1911 года им не удалось провести достаточное количество санных походов: в самом начале года ветер отогнал, весь морской лед от берега, а сзади их не пускали на плато горы, поскольку прохода

¹⁷ Китовая бухта – традиционное название, укоренившееся в литературе; в соответствии с «Атласом Антарктики», по которому приводятся в основном географические названия в данном переводе, – Бей-оф-Уэйлс.

через них они не нашли. Поэтому, когда 4 января 1912 года появилась «Терра-Нова», было решено, что судно высадит их с шестинедельным рационом провианта для санных путешествий и дополнительным запасом галет, пеммикана и другой провизии у горы Мелборн в Убежище Эванс, в 400 километрах южнее мыса Адэр и в 320 километрах от нашей зимней базы на мысе Эванс. Поздно вечером 8 января они стали лагерем в этом месте и помахали вслед уходившему из бухты кораблю. Он должен был зайти за ними 18 февраля 1912 года.

Вернемся опять в залив Мак-Мёрдо. 16 марта две мои собачьи упряжки в полном изнеможении вернулись со склада Одной тонны на мыс Хат. От Барьера мы еще прошли по морскому льду на мыс Хат, но здесь началась открытая вода, и никакой связи с мысом Эванс не было. На мысе Хат находился Аткинсон с матросом, и он обрисовал мне сложившееся положение примерно так.

Корабль ушел и вернуться уже не сможет – вот-вот наступит зима. Кроме лейтенанта Эванса, больного цингой, он забрал пятерых других офицеров и троих матросов, чей срок пребывания в Антарктике истек. Таким образом, на мысе Эванс осталось всего лишь четверо офицеров и четверо матросов, да нас четверо на мысе Хат.

Среди этих новостей самой тревожной была та, что судно не пробилось сквозь тяжелый пак к лагерю Кемпбелла в Убежище Эванс. Все его попытки были безуспешны. Решит ли Кемпбелл зимовать на месте своей стоянки? Или попытается на санях уйти по берегу еще куда-нибудь?

В отсутствие Скотта руководство экспедицией в невероятно трудных условиях, сложившихся в этом и в следующем году, должно было бы, естественно, перейти к лейтенанту Эвансу. Но Эванс в очень тяжелом состоянии плыл на корабле в Англию. Эта задача легла на Аткинсона, и, я надеюсь, мне удастся показать, насколько непростой она была и как хорошо он с ней справился.

Итак, после возвращения собачьих упряжек, нас на мысе Хат стало четверо, и нам не на кого было рассчитывать – от мыса Эванс нас отделяла открытая вода. Двое не годились сейчас для санных походов, да и собаки были истощены до предела. Мы беспокоились за судьбу Кемпбелла и его партии, но чем дальше, тем больше к этому беспокойству примешивалась тревога за все еще отсутствующую полюсную партию: зима быстро вступала в свои права, погода стояла плохая. Но что могут сделать два человека? Да и что надо делать? И если делать, то когда, чтобы было больше шансов на успех? Вдобавок ко всему Аткинсону приходилось волноваться еще и за меня – я был серьезно болен.

В конце концов он решил сделать две попытки.

Двадцать шестого марта он с матросом Кэохэйном вышел с санями на Барьер. Погода была ужасная, но они достигли точки в нескольких километрах к югу от Углового лагеря и возвратились. Вскоре мы поняли, что южная партия погибла.

Больше ничего нельзя было предпринять, пока не возобновится связь с зимней базой на мысе Эванс. Только 10 апреля удалось на санях проехать к нему по свежему морскому льду. 14 апреля на мыс Хат подоспела помощь.

Тогда и была предпринята вторая попытка. Партия из четырех человек прошла на санях кусок западного побережья, чтобы встретить Кемпбелла и помочь ему, если он пытается пробиться к нам. Поход кончился ничем, как, впрочем, и следовало ожидать.

Далее будет изложена и история наступившей зимы, и наши колебания: искать ли полюсную партию (наверняка погибшую) с ее документацией или же Кемпбелла с его людьми (возможно, живыми). Делать и то и другое мы не могли – не хватало людей. Мы считали, что либо полюсную партию погубила цинга, либо она провалилась в трещину... Истинную причину мы никак не могли заподозрить, ибо твердо были уверены, что только болезнь или несчастный случай могут помешать людям Скотта найти дорогу к лагерю. Мы решили предоставить Кемпбеллу своими силами пробиваться к нам вдоль берега, а самим пойти на поиски полюсной

партии и ее документации. К нашему удивлению, мы обнаружили занесенную снегом палатку в 220 километрах от мыса Хат и всего лишь в 18 километрах от склада Одной тонны. Они прибыли сюда 19 марта. В палатке лежали тела Скотта, Уилсона и Боуэрс. Отс, не дойдя до этого места 29 километров, добровольно вышел из палатки в метель, навстречу смерти, старшина Эванс лежал мертвый у подножия ледника Бирдмора.

Найдя тела и документацию участников похода к Южному полюсу, поисковая партия вернулась на мыс Хат с намерением отправиться по западному берегу навстречу Кемпбеллу. Но когда я привел на мыс собачьи упряжки и приблизился к хижине, я увидел на ее двери записку, написанную рукой Кемпбелла; у меня сохранились очень смутные воспоминания об этом потрясающем событии. Давненько у нас не было таких хороших новостей. История Кемпбелла такова.¹⁸

Кемпбелл высадился в Убежище Эванс, имея провианта на шесть недель санных походов плюс двухнедельный рацион на шесть человек: 25 килограммов сахара, 10 кг какао, 16 кг шоколада, 95 кг галет, немного «Оксо»¹⁹ и запасную одежду. Иными словами, после проведенных по плану санных походов им оставалось провианта на четыре недели весьма скудных пайков. Кроме того, у них были запасная палатка и запасной спальный мешок. Никто серьезно не предполагал, что корабль не сможет их забрать во второй половине февраля.

Партия Кемпбелла провела успешные санные походы и важные геологические изыскания в районе Убежища Эванс. Затем, обосновавшись на берегу, они стали ждать судно. Вокруг до самого горизонта, сколько хватал глаз, простиралась открытая вода, разгоняемая сильным ветром, а судно все не приходило. Путешественники заключили, что оно потерпело крушение. На самом же деле за пределами их видимости лежал толстый паковый лед, сквозь который Пеннелл упорно пытался провести судно, пока не встал перед выбором – или уходить или вмерзнуть в лед. Ему так и не удалось приблизиться к берегу ближе чем на 43 километра.

Вот тогда-то с плато позади них по направлению к открытому морю задули сильные ветры. Такая погода усугубила и без того плохое положение. Убежище Эванс усеяно огромными каменными глыбами; преодолевать их приходилось склонившись вперед и сопротивляясь встречному ветру, а стоило ему внезапно стихнуть, как незадачливый путешественник валился вперед лицом вниз. Ввиду таких обстоятельств было решено с места не трогаться, подготовиться к зимовке, а весной отправиться берегом на санях на мыс Эванс. Альтернативная идея отправиться берегом на санях в марте или апреле, кажется, никогда всерьез не обсуждалась. Но мы-то на мысе Хат, после вылазки Аткинсона на запад в апреле 1912 года, естественно, ничего не знали о планах северной партии.

Она между тем разделилась на две группы по трое человек в каждой. Первые трое под командой Кемпбелла вырыли в большом глубоком сугробе шурф глубиной 2 метра, от него вбок продолбили буром и лопатой проход, а в конце прохода – пещеру площадью 3.5 метра на 2, высотой 1.7 метра. Остальные трое под командой Левика разыскивали и убивали тюленей и пингвинов. Но их попадалось ничтожно мало, и до середины зимы, когда наступила полярная ночь, люди не ели досыта. Один человек обязательно дежурил у палаток – они были уже такие изношенные и ветхие, что оставлять их без присмотра на ветру было небезопасно.

К 17 марта пещера, еще не готовая, могла все же принять троих жителей. Об их вселении пусть расскажет Пристли, но не думайте, что непогода, о которой он пишет в дневнике, была исключительным явлением на этом клочке суши, прозванном впоследствии островом Инэкспрессибл.²⁰

¹⁸ Подробнее о деятельности этой партии (по русской экспедиционной терминологии – отряда) см. в книге Р. Пристли «Антарктическая одиссея», Л., Гидрометеиздат, 1989.

¹⁹ «Оксо» – мясной экстракт одноименной фирмы.

²⁰ Инэкспрессибл – «невыразимый» (англ.).

«17 марта, семь часов вечера. – Весь день дул сильный юго-западный ветер, ночью усилившийся до бури. День выдался ужасный – надо было перенести в наше временное жилище все необходимые вещи. Ни разу за время совместного пребывания наши нервы не были так напряжены, но мы успешно выдержали испытание... Не хотел бы я еще когда-нибудь совершить три такие ходки, как сегодня. Стоило ветру внезапно ослабить свои усилия, и я падал в наветренную сторону. Каждый его яростный порыв заставлял меня склоняться в противоположном направлении, не меньше десяти раз он отрывал меня от земли и кидал наземь или на негостеприимные валуны. Обоим моим товарищам тоже пришлось туго. За две ходки Дикасон расшиб колено и лодыжку и потерял матросский нож, а Кемпбелл лишился компаса и нескольких зарядов для револьвера. Счастье наше, что мы вообще сумели пройти»[2].

Хорошо еще, что ветер часто не сопровождался ни метелью, ни поземкой. Через два дня, все в ту же бурю, в 8 часов утра на головы второй тройки обрушилась палатка. Солнце в это время заходило в 4 часа пополудни, и они решили пробираться к своим товарищам. Вот что рассказывает Левик:

«Мы навалили льдины и камни с морены на палатку со всем ее содержимым и после этого пустились в путь. Прежде всего нам предстояло пересечь километр чистого голубого льда, выметенного не стихающим ветром, дувшим нам почти прямо в лицо. Выпрямиться мы не могли и весь путь проделали на четвереньках, ложась при особенно сильных порывах на живот. Пока доползли до конца льда, хлебнули горя. Как сейчас вижу побитые лица товарищей, свинцово-синие, с белыми пятнами обморожений. На берегу острова нам удалось укрыться за огромными валунами и оттереть замерзшие носы, уши и щеки. Проползши еще 500 метров, мы достигли незаконченной пещеры, в которой забаррикадировалась половина нашей партии. Долго кричали, прежде чем они нас услышали и впустили. Встретили нас очень тепло и накормили горячей пищей, вкуснее которой, наверное, никто из нас в жизни не едал».

Продолжает Пристли:

«После прибытия бездомной партии сварили суп, приведший всех в самое благодушное настроение. Согревшись от еды, все на час-другой забыли о невзгодах и запели... Зрелище было очень приятное, и стоит мне закрыть глаза, как передо мной встает маленькая пещера, вырубленная во льду и снегу, с хлопающей на ветру палаткой вместо двери, удерживаемой у краев входного отверстия перекрещенными ледорубом и лопатой... Пещеру освещают три или четыре маленьких жирника, источающие мягкий желтый свет. У стены лежат в спальниках, отдыхая после трудового дня, Кемпбелл, Дикасон и я, напротив, на возвышении, еще не выбитом до уровня остального пола, сидят Левик, Браунинг и Абботт, обмениваясь впечатлениями о поглощаемом ими супе. Примус весело гудит под котлом с подкрашенной жидкостью, заменяющей какао. По мере того как гости согреваются, у них пробуждается чувство юмора, мы перекидываемся остротами, но сегодня все преимущества на нашей стороне; авария в той палатке и вынужденный уход от родных пенатов – неисчерпаемая тема шуток. Вдруг кто-то заводит песню, остальные хором ее подхватывают, вмиг заглушая шум примуса. Поют несколько часов. Но вот свет начинает меркнуть, и холод берет верх над действием супа и какао. Поющих одного за другим пробирает дрожь, невольно все начинают думать, какая трудная предстоит ночь, и тут становится не до песен...

Двое в одноместном спальнике! Даже самая мысль об этом мучительна и ни у кого не вызывает желания шутить. Шутки посыплются на следующий день, когда ночь благополучно закончится, а пока что ее близость наводит на грустные размышления. Но делать нечего, каждый из нас готовится приютить у себя еще одного человека»[2].

В таких условиях злосчастная партия, не терявшая присутствия духа, вступила в одну из самых ужасных зим, сотворенных Господом Богом. Они страшно голодали, ведь ветер не только мешал образованию морского льда в заливе, но и делал его берега почти недоступными для тюленей. Случались, правда, и праздники, например, в тот день, когда Браунинг заметил

и убил тюленя, а в его желудке обнаружили тридцать шесть *«не переваренных рыбин, вполне годных в пищу»*. Какие радужные перспективы открылись перед зимовщиками! *«Тюлени со съедобной начинкой нам больше не попадались, но мы не теряли надежды на встречу с таким экземпляром, и охота превратилась в азартную игру. Впредь при виде тюленя кто-нибудь восклицал: «Рыба!» – и все наперегонки бросались к животному»*[2].

Они ели ворвань, на ворвани варили пищу, ворванью заправляли лампы. Одежда и вещи пропитались ворванью, сажа покрывала темным слоем их лица и руки, спальные мешки, печи, стены, потолок, забивалась в горло, раздражала глаза. Пропитанная ворванью одежда не удерживала тепла, а вскоре изорвалась настолько, что мало защищала от ветра; зато ее можно было поставить стоймя – так много в ней было жира, хотя зимовщики часто соскребали его ножами и оттирали пингвиными шкурками. Под ногами же у них лежали неизменные гранитные глыбы, по которым ходить было трудно даже при дневном свете в хорошую погоду. Как сострил Левик: *«Дорога в ад, может быть, и вымощена благими намерениями, но в самом аду она, скорее всего, имеет покрытие вроде того, что на острове Инекспрессибл»*.

Выпадали и светлые минуты: долгожданный кусочек сахара, пение хором – с ним, кстати, связан забавный эпизод. Когда партия Кемпбелла и остатки главной партии воссоединились в ноябре 1912 года на мысе Эванс, Кемпбелл хотел во что бы то ни стало услаждать наш слух церковными песнопениями. В первое воскресенье мы слышали псалом *«Хвалите Бога во святых Его; хвалите Его на тверди силы Его»*, во второе – его же, в третье – тоже. Мы предложили обновить репертуар, на что Кемпбелл возразил: *«Зачем?»* Мы ответили, что он несколько однообразен. *«Да нет же, – сказал Кемпбелл. – Мы все время пели этот псалом на острове Инекспрессибл»*. Другого, как оказалось, он не знал. Кроме того, исполняли Тедум и *«Веселый король»*, что чаще – не знаю. Для чтения у обитателей пещеры были *«Дэвид Копперфильд»*, *«Декамерон»*, *«Жизнь Стивенсона»*, Новый Завет. Они также делали гимнастику по шведской системе и читали лекции.

Наибольшую опасность представляли цинга²¹ и птомаиновое отравление²² из-за вынужденно плохого питания. С самого начала зимовщики договорились сохранить оставшийся провиант для весеннего санного похода вдоль берега, так что до весны они должны были питаться только не сомневается, что у участников северной партии имелись все признаки начинающейся цинги. В иглу было достаточно тепло, чтобы тюленина начала портиться. Дальнейшему развитию цинги воспрепятствовало употребление в пищу свежего тюленьего мяса. – Э. Ч.-Г. мясом тюленей и пингвинов, которых они сами добывали. Первый случай дизентерии возник в самом начале зимы и был спровоцирован использованием соли из морской воды. Тогда взяли соль из санного рациона и в течение недели клали ее в пищу, она привела все в норму, а со временем они привыкли к соли из морской воды. Только Браунинг, который когда-то болел брюшным тифом, всю зиму страдал от дизентерии. Она бы его наверняка доконала, если бы не его веселый добродушный характер.

В июне дизентерия разразилась с новой силой. Некоторые неприятности доставил им и синдром *«пещерной спины»* – следствие того, что из-за низкого потолка в пещере им все время приходилось сидеть в полусогнутом положении.

В начале сентября группу поразило птомаиновое отравление. Его вызвало мороженое мясо, слишком долго находившееся для оттаивания в *«духовке»* – так они называли ящик из-под галет, подвешенный над топившейся ворванью печью. *«Духовка»* висела чуть косо, и в ее углу скапливались старая кровь, влага и кусочки мяса. Вероятно, это в сочетании с супом с душиком – вылить его у голодных зимовщиков не хватило духа – и послужило причиной серьезного заболевания. Особенно плохо чувствовали себя Браунинг и Дикасон.

²¹ Аткинсон

²² Птомаиновое отравление – отравление испорченным мясом.

Случались черные дни: например, когда они поняли, что судно не снимет их с берега; когда одолевала тоска, голод, недомогание – все сразу; когда казалось, что тюленина на исходе и придется идти берегом среди зимы, – но тут Абботт разделочным ножом забил двух тюленей, покालечив себе при этом три пальца, и спас положение.

Но бывали и дни светлые, вернее, не такие черные: в день зимнего солнцестояния все так наелись, что на еду и смотреть не могли; в другой раз наконец без запинки спели Тедеум; или забили несколько пингвинов; или получили из аптечки порцию горчичного пластыря...

На свете не было более веселой и остроумной партии. Во всем они умудрялись видеть комическую сторону, и если сегодня им это не удавалось, то уж завтра они потешались вовсю. И еще в одном они преуспели: за всю свою жизнь я не встречал такой дружной компании, как партия, что присоединилась к нам в последние два месяца пребывания в заливе Мак-Мёрдо.

Тридцатого сентября они отправились, как они говорили, «домой». Им предстояло пройти с санями вдоль берега около 300 километров, кое-где по морскому льду, который, как мы уже говорили, отсутствовал в районе Убежища Эванс. Надо было, кроме того, пересечь язык ледника Дригальского – могучее препятствие, угнетавшее всю зиму их воображение. На последний ледяной вал сжатия, вызванный ледником, они поднялись вечером 10 октября и увидели Эребус, от которого их отделяли 250 километров. Пещера и все перенесенные тяготы остались позади, впереди зимовщиков ждал мыс Эванс, а морской лед простирался перед ними сколько хватал глаз.

Дикасон, в начале похода чуть живой из-за дизентерии, вскоре поправился. Браунингу, однако, было по-прежнему плохо, его спасало лишь то, что теперь их дневной рацион состоял из четырех галет, небольшого количества пеммикана и какао – куда более здоровой пищи, чем извечное мясо. Поблизости от бухты Гранит, через месяц после старта, его состояние настолько ухудшилось, что обсуждался вопрос, не оставить ли его с Левицом на этом месте в ожидании лекарств и подходящей пищи с мыса Эванс.

Однако их невзгодам уже почти пришел конец – на мысе Роберте они неожиданно для себя увидели опознавательный знак склада, зарытого Тейлором в прошлом году. Они бросились по-собачьи разрывать снег и – о радость! – нашли целый ящик галет, а также масло, изюм, сало. День и ночь они без усталости, никуда не торопясь, жевали, и когда снова вышли в путь, рты их были изранены²³ галетами. Нет сомнений в том, что перемена питания спасла Браунингу жизнь. Двигаясь берегом на юг, они нашли другой склад, а потом и третий. 5 ноября они прибыли на мыс Хат.

История нашей северной партии наиболее полно изложена двумя людьми, которым, как говорится, и карты в руки: Кемпбеллом во втором томе книги Скотта и Пристли в «Антарктической одиссее». Я же ограничусь этим кратким обзором и в том, что не имеет отношения к главной партии и к «Терра-Нове», лучше отошлю читателя к этим двум изданиям, чем буду писать с чужих слов уже написанное дважды. Хочу лишь сказать, что все сделанное и пережитое членами северной партии заслонено трагической судьбой полюсной партии. Люди Кемпбелла не из тех, кто гонится за популярностью, но это не значит, что история их подвига не должна быть известна широкой публике; напротив, тем больше оснований обнародовать ее как можно шире. Тем, кто ее еще не читал, я рекомендую упомянутую выше книгу Пристли и написанный Кемпбеллом с такой же скромностью рассказ о его партии в книге «Последняя экспедиция Р. Скотта»[11].

«Терра-Нова» прибыла на мыс Эванс 18 января 1913 года, как раз когда мы начали готовиться к следующей зимовке. Выжившие члены экспедиции весной прибыли на родину. А осенью уже вышла в свет книга Скотта.

²³ Размягченность языка и десен является дополнительным симптомом цинги. – Э. Ч.-Г.

История последней экспедиции Скотта 1910–1913 годов представляет собой двухтомник. Первый том содержит личный дневник Скотта, который он вел изо дня в день, то во время санных походов перед тем как залезть на ночь в спальный мешок, то в хижине на зимовке в паузах между организационными и подготовительными делами. Мои читатели, возможно, читали и этот дневник, и рассказы о зимнем походе, о злоключениях партии Кемпбелла и о плаваниях «Терра-Новы», которые составляют содержание второго тома.

Рецензент книги Скотта – А. А. Милн – так отозвался о ней:

«Второй том, не меньше чем первый, излучает отвагу, силу, преданность и любовь; доблестными джентльменами были и те, кто выжил, и те, кто погиб; но именно история Скотта, рассказанная им самим, поставит это творение в ряд великих книг мира. Повествование начинается в ноябре 1910 года, заканчивается 29 марта 1912-го. К концу книги вы проживете вместе со Скоттом шестнадцать месяцев, и именно поэтому не сможете читать без слез последние страницы. Когда его «Послание обществу» впервые дошло до нас, оно действовало душераздирающе, но мы восприняли его как весть о гибели великого героя; теперь же воспринимаем его как рассказ о смерти близкого друга. Прочитать эту книгу значит узнать Скотта; и если бы меня попросили охарактеризовать его, я бы, наверное, повторил то, что он за полгода до смерти сказал о другом доблестном джентльмене, шедшем с ним вместе, о «Билле» Уилсоне: «Слов не нахожу каждый раз, как хочу говорить об Уилсоне, – писал он. – Мне кажется, что я никогда не встречал такой чудной, цельной личности. Чем теснее я с ним сближаюсь, тем больше нахожу в нем, чему удивляться. Каждое его качество такое солидное, надежное. В любой, самой сложной ситуации он безусловно проявит себя как человек дельный, разумный и практический, в высшей степени добросовестный и, конечно, самоотверженный». Уилсон был именно таким, раз это утверждает Скотт, ибо Скотт знал людей; но в основном это относится и к самому Скотту. Я не знал человека прекраснее, чем тот, с которым познакомился по дневникам. Человечность, мужество, вера, упорство, а главное, скромность Скотта выделяют его среди остальных. Именно скромность придает неувядаемую красоту его предсмертному посланию, последним записям в дневнике и письмам. Письмо со словами соболезнования (чуть ли не извинения), которое он на пороге смерти пишет миссис Уилсон, жене человека, умирающего рядом с ним, вполне могло бы служить памятником Скотту. Лучшего быть не может. Он воздвиг памятник и другим погибшим доблестным джентльменам – Уилсону, Отсу, Боуэрсу, Эвансу. В дневнике он нарисовал их яркие образы, словно живые встают они с его страниц. Они также становятся нашими друзьями, их благородная смерть причиняет нам горе. И были, как я уже сказал, доблестные джентльмены, которые остались жить. Вы можете прочитать об их удивительной судьбе. Эти два тома представляют собой замечательный рассказ о мужестве. Сейчас я закончил их читать и отложил в сторону; но пока читал, несколько дней находился в обществе смельчаков... и каждый проведенный с ними час усиливал во мне чувство гордости погибшими и сознание собственного ничтожества».

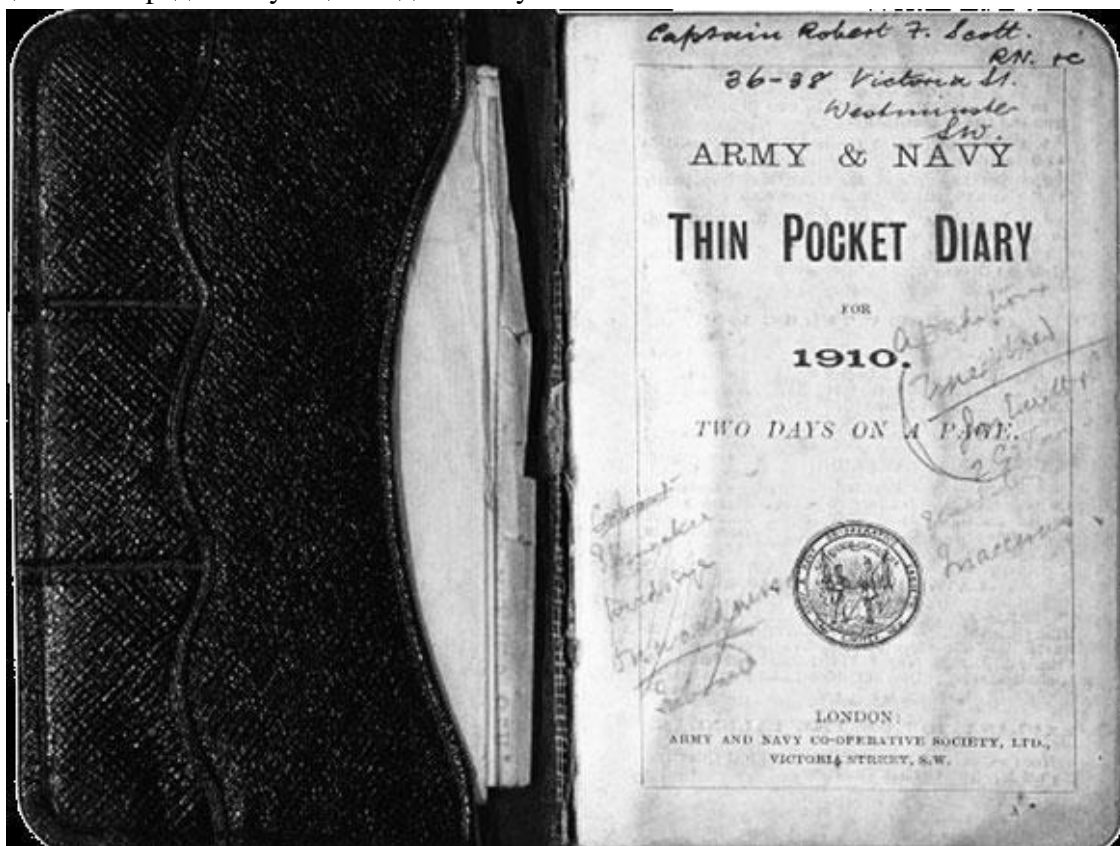
Я привел такую обширную цитату из этой статьи, чтобы показать ту атмосферу преклонения, в которую мы окунулись по возвращении. Атмосфера эта, очень приятная сама по себе, конечно, еще не отражала научной значимости экспедиции, а ведь если экспедиция не приносит пользы науке, ей грош цена. Мы лучше, чем кто бы то ни было, знали, какие лишения и опасности перенесли, но знали также, что науке это безразлично; что для нее человек, совершивший самое ужасное путешествие, не становится от этого лучше; выжил он или погиб, никто и не вспомнит через сто лет, лишь был сохранились сделанные им записи и научные сборы.

Кроме «Последней экспедиции Р. Скотта» и «Антарктической одиссеи» Пристли в свет вышла книга «Со Скоттом: светлая сторона». Ее автор, физикогеограф главной партии Гриффит Тейлор, рассказывает о двух геологических походах под его началом и о жизни экспедиции на мысе Хат и мысе Эванс до февраля 1912 года. Книга дает полное представление о самой

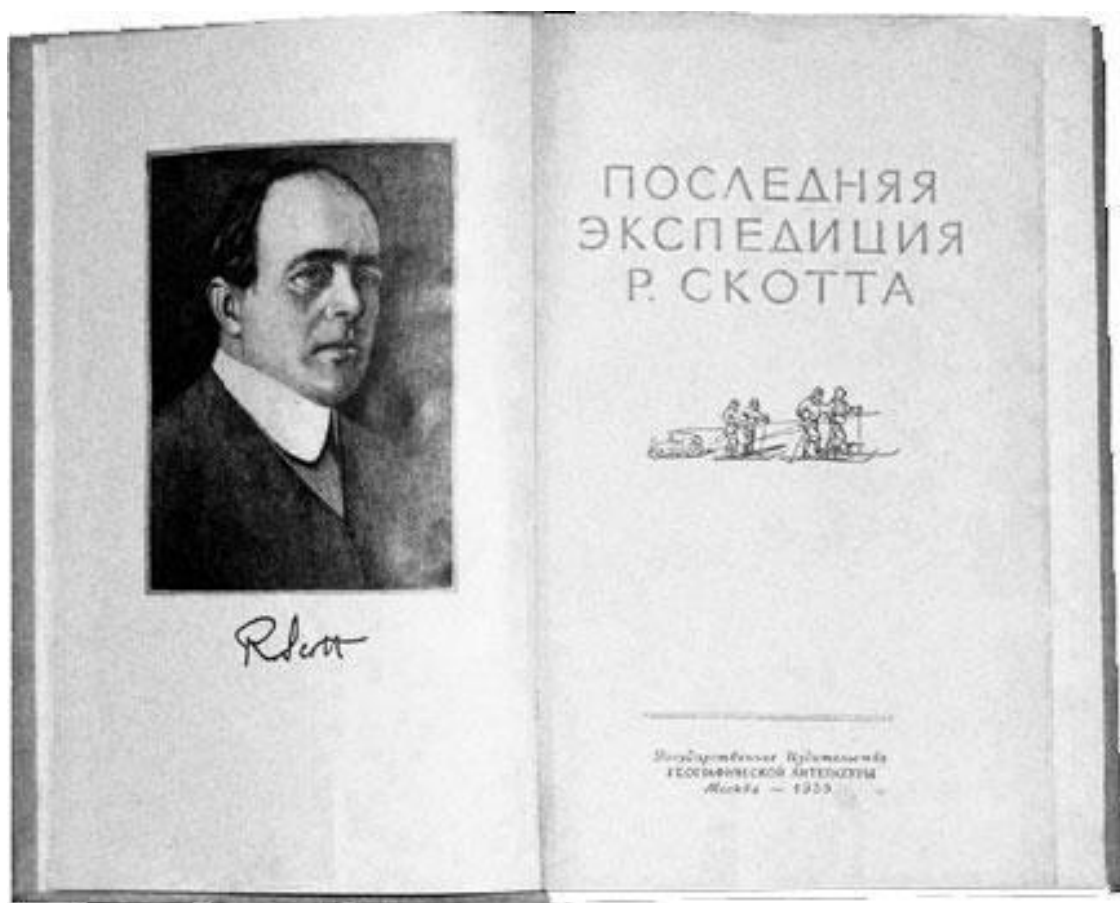
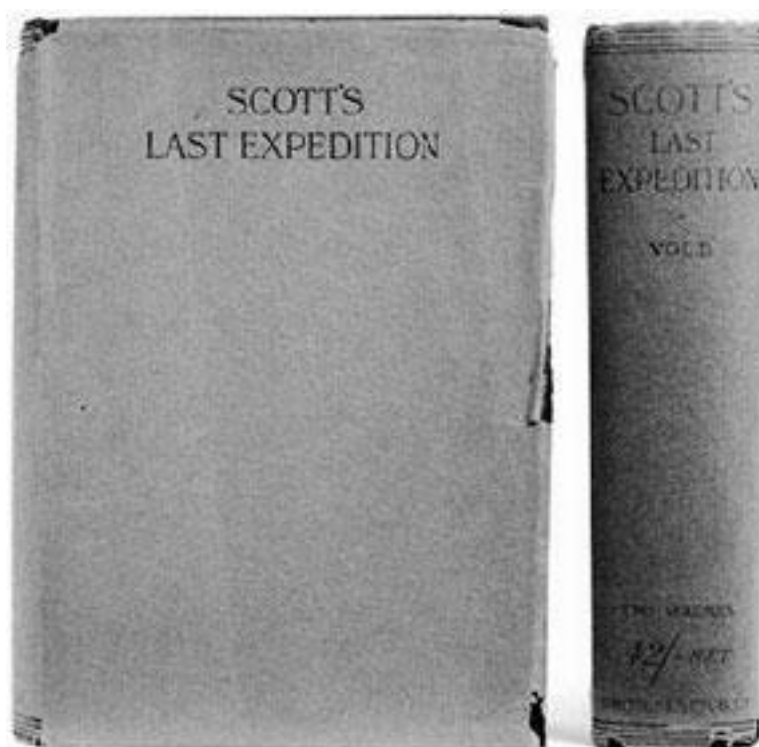
активной стороне нашей жизни и сообщает важные сведения о научной деятельности экспедиции.

Не могу удержаться от того, чтобы обратить внимание читателя – и тем заслужить его благодарность – на маленькую книжку «Пингвины Антарктики», принадлежащую перу Левики, хирурга из партии Кемпбелла. Она посвящена в основном пингвинам Адели. Почти целое лето провел автор посреди самой большой в мире пингвиной колонии. Он описывает общественную жизнь пингвинов с неожиданным для нас юмором и с простотой, которой мог бы позавидовать не один детский писатель. Если вы считаете, что вам тяжело живется, и хотите хоть на время отвлечься, советую вам достать, выпросить или украсть эту книжечку и прочитать о том, как живут пингвины. В ней все чистая правда.

Первое английское издание под названием «Scott's Last Expedition» вышло в свет в 1913 году в двух томах. В первом опубликованы дневники самого начальника экспедиции, во втором – отчеты других участников. На русском языке дневник Р. Скотта переведен и опубликован З. А. Рогозиной незадолго до революции в издательстве «Прометей» с некоторыми сокращениями. На титуле год издания не указан. Следующее издание в том же переводе осуществлено Всесоюзным Арктическим институтом в 1934 году с указанием «просмотренное и дополненное». Еще одно отечественное издание увидело свет в 1955 году в Географгизе под редакцией и со вступительной статьей Н. Я. Болотникова, причем В. А. Островский выполнил перевод опущенных в предшествующих изданиях кусков текста.

Дневник Скотта, найденный спасательной партией в 1913 году на месте гибели

Первое английское издание дневников (вверху) и советское издание 1955 года (внизу)

Итак, уже существует обширная литература об экспедиции, но связного рассказа о ней в целом нет. Будь Скотт жив, он бы написал такую книгу, взяв свой дневник всего лишь за

основу. Как личный дневник Скотта он представляет больший интерес, чем любое другое сочинение. Но в нашей жизни дневник – один из немногих способов для человека разрядиться, поэтому в записях Скотта слишком большое место отведено одолевавшим его порой упадническим настроениям.

Мы видели, как важно, чтобы каждая экспедиция аккуратно записывала все сделанные ею нововведения, вес взятых вещей, методы работы. Мы видели, как Скотт заимствовал опыт исследователей Арктики, обобщенный Нансеном, и впервые применил его в санных походах по Антарктике. В «Путешествии на „Дисковери“» он подробно говорит о допущенных промахах, их исправлении, всякого рода усовершенствованиях. Приобретенные знания Шеклтон использовал в своей первой экспедиции, а Скотт во второй, оказавшейся для него последней. Эта экспедиция, по моему мнению, была снаряжена как никакая другая, если учесть, что она ставила перед собой двойную цель – и науку подвигнуть, и полюс покорить. Куда легче поставить все на одну карту, то есть подобрать снаряжение, найти нужных людей и подготовить их к выполнению одной единственной задачи, будь то завоевание полюса или безупречные научные наблюдения. Ни Скотт, ни его люди не хотели ограничиться только достижением полюса. Но игра стоила свеч, стоила героических усилий, и *«мы рисковали и знали, что рискуем; все обернулось против нас, поэтому у нас нет оснований для жалоб...»*.²⁴

Едва ли можно говорить, что Р. Скотт успешно использовал опыт Ф. Нансена. В 1888 году норвежец пересек Гренландию без собачьих упряжек, однако в экспедиции на «Фраме» 1893–1896 годах, а также в своем походе к полюсу вместе с Я. Юхансеном, он широко пользовался ими. Во всех случаях (за исключением похода с Дмитрием Гиревым к лагерю Одной тонны в феврале – марте 1912 года) к суждениям автора о собачьих упряжках следует относиться осторожно. Так или иначе непонимание роли собачьих упряжек в экспедиции Р. Скотта разделялось многими ее участниками.

Необходимо, крайне необходимо, чтобы система, не скажу безупречная, но во всяком случае доведенная такой дорогой ценой до высокой степени совершенства, стала в возможно более полном виде достоянием будущих полярных исследователей. Я хочу так построить мой рассказ, чтобы начальник какой-нибудь готовящейся экспедиции в Антарктику, может быть, даже не один, взяв в руки мою книгу, смог бы сказать: «Здесь есть данные, на основании которых я закажу нужные вещи на столько-то человек на такой-то срок; и здесь есть данные о том, как эти вещи использовались Скоттом, о его планах походов и их результатах, об усовершенствованиях, которые его партии внесли на месте или предложили внести в будущем. Я не согласен с тем-то и тем-то, но материалы книги послужат для меня основой, сэберегут мне много месяцев подготовительной работы и вооружат сведениями, необходимыми для практической работы моих людей». Если благодаря этой книге путь грядущих поколений осветит свет из прошлого, значит, она написана не напрасно.

Но не только это побудило меня написать книгу. Когда в 1913 году я взялся составить официальный отчет об экспедиции для Антарктического комитета при условии предоставления мне полной свободы действий, мною руководило стремление прежде всего показать, какая была проделана работа; кто ее проделал; кому принадлежит заслуга ее выполнения; кто брал на себя ответственность; кто участвовал в изнурительных санных походах; кто командовал нами в тот последний, самый страшный год, когда две партии находились неизвестно где, и одному Богу было известно, как следует поступить; в тот самый год, когда, затялись наши испытания, люди бы несомненно сошли с ума. Соответствующих записей не существует, хотя, возможно, многие думают, что они велись. Но я, рядовой участник экспедиции, не облеченный большой ответственностью, часто терявший голову от страха, однако находившийся в самой гуще событий, я знаю все это.

²⁴ Цитата из «Послания обществу» Р. Скотта, написанному накануне гибели.

К сожалению, мне никак не удавалось примирить свою исповедальную искренность со сглаженными формулировками официального отчета; я понял, что ставлю Антарктический комитет в затруднительное положение, из которого есть только один выход – забрать книгу из его рук; ибо стало ясно, что написанное мною совсем не то, чего ждут от комитета, даже если никто из его членов не станет отрицать ни одного моего слова. Надлежащий официальный отчет представляется нашему воображению в виде объемистого фолианта, точь-в-точь повторяющего другие научные отчеты, скрытые от глаз на пыльных полках музея: он должен изобиловать, говоря словами комитетских установлений, «сведениями о сроках стартов, продолжительности походов, условиях на почве, погоде», не очень полезными для будущих исследователей Антарктики и не облегчающими душу автора. Я не мог сказать, что удовлетворил требованиям Комитета, поэтому решил взвалить все бремя ответственности на свои плечи. Тем не менее сведения, предоставленные мне Комитетом, по достоверности не уступают тем, что обычно фигурируют в составленном по всей форме официальном отчете, и только некоторым сюжетам я старался придать возможно более личный характер, чтобы мои слова не звучали незаслуженно авторитетно и чтобы Комитет не нес за них ни малейшей ответственности.

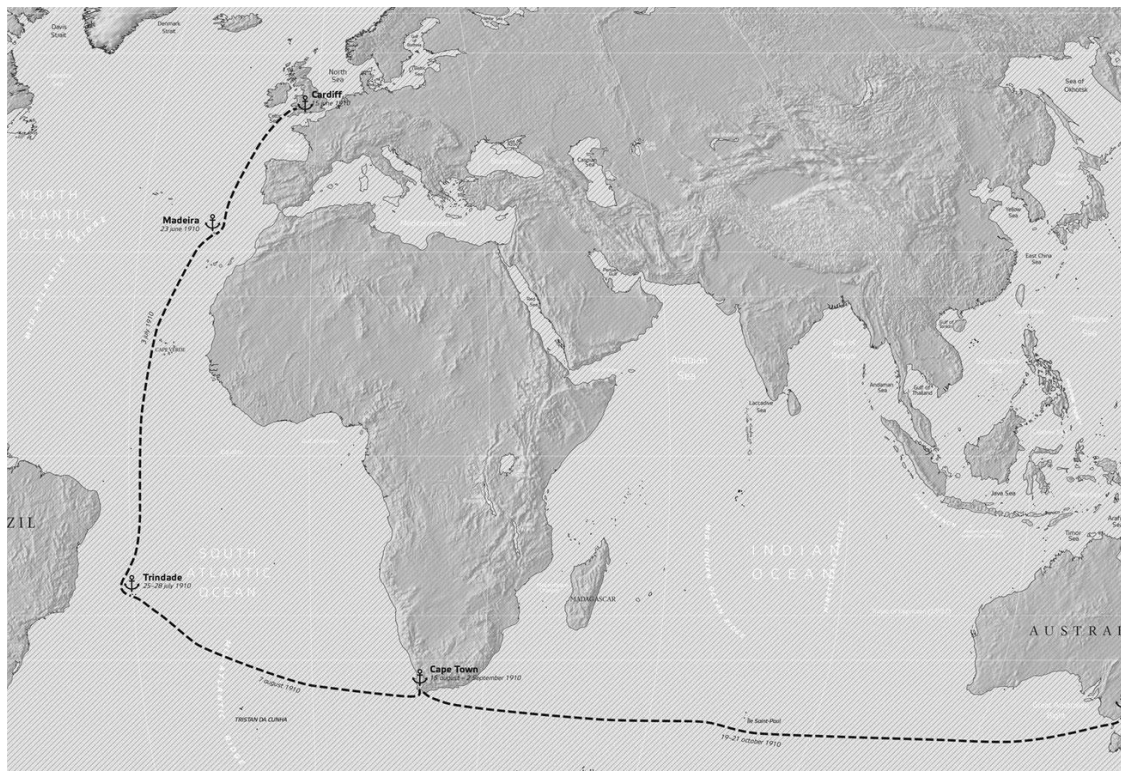
Вряд ли нужно объяснять, что книга выходит в свет с девятилетним опозданием из-за войны.²⁵ Не успел я оправиться от перенапряжения всех сил в экспедиции, как очутился во Фландрии в составе броневых подразделений. В одном отношении война походит на Антарктику: пока остаются силы, здесь не уйти с поля боя раньше остальных, не покрыв себя бесчестьем. Я вернулся домой совершенным инвалидом, и книге пришлось подождать.

²⁵ Речь идет о первой мировой войне, участником которой по возвращении из экспедиции стал Э. Черри-Гаррард.

Из Англии в Южную Африку

*Распрощайся же с нимфами на берегу,
Утешь их, стонающих о возвращеньи,
И хоть ты не вернешься, скажи: приду...*

Энеида

Начало экспедиции. Команда. Корабельная жизнь. На необитаемом острове

Скотт любил говорить, что самая трудная часть экспедиции – подготовка к ней. 15 июня 1910 года он безусловно со вздохом облегчения наблюдал за тем, как «Терра-Нова» выходит из Кардиффа в Атлантический океан. Кардифф устроил нам восторженные проводы, и Скотт обещал возвратиться в Англию также через этот порт. 14 июня 1913 года, ровно через три года, Пеннелл привел сюда «Терра-Нову» из Новой Зеландии и списал команду на берег.

С самого начала на борту установилась очень приятная непринужденная атмосфера, и тем, кому посчастливилось вести в Новую Зеландию наше парусно-паровое судно, это плавание представляется, наверное, счастливейшим периодом экспедиции, хотя все мы пять месяцев терпели большие неудобства и гнули спины с утра до вечера. Для некоторых из нас с пла-

ванием, трехнедельным прохождением паковых льдов на пути к югу и робинзоновской жизнью на мысе Хат связаны одни из лучших воспоминаний об экспедиции.

Скотт придавал большое значение тому, чтобы участники экспедиции по возможности добирались до места назначения на «Терра-Нове». Не исключено, что он приказал побольше загружать нас тяжелой работой – это бесспорно был лучший способ проверить нас в деле. Всех нас – офицеров, научный штат, судовой экипаж и т. д. – он выбрал из восьми тысяч добровольцев.

От команды обычного торгового судна мы резко отличались и своим составом, и принципами работы. Судовые офицеры состояли на службе в военном флоте, как и матросы. В научный штат экспедиции входили, помимо остальных, врач, который не был военным хирургом, но зато занимался и наукой, и двое «способных помощников», как в шутку говаривал Скотт, – Отс и я. В целом научный штат экспедиции насчитывал двенадцать человек, но из них только шестеро находились на борту, остальные должны были присоединиться к нам в Литтелтоне, Новая Зеландия, откуда предстояло сделать последний бросок к югу. Группу ученых, находившихся на борту, возглавлял Уилсон, выступавший один в ролях и специалиста по зоологии позвоночных, и врача, и художника, и, как станет ясно из дальнейшего, верного друга. Командовал судном лейтенант Эванс, а старпомом был Кемпбелл. Между судовыми офицерами, как положено, немедленно распределили вахты. Команду разделили на вахты правого и левого бортов, с обязанностями, обычными для парусников со вспомогательной паровой машиной. Экспедиционный состав не был расписан по определенным работам. Уж не знаю, как сложилась эта традиция, но фактически все работы выполняли на добровольных началах. Считалось само собой разумеющимся, что каждый, кто может в данный момент оторваться от своего дела, откликается на просьбу сделать то-то и то-то, но исключительно по собственному желанию: Кто хочет спустить паруса? Работать с углем? Перенести грузы в другое место? Качать помпу? Покрасить, ободрать краску? Призывы раздавались постоянно, иногда ежечасно, днем и ночью, – и не было случая, чтобы на них не откликнулись охотно. Причем так вели себя не только ученые, но и судовые офицеры, свободные от вахты. Не было на борту офицера, который бы не штивал до тошноты уголь, но я не слышал ни одной жалобы. При такой системе очень скоро выделяются наиболее усердные работяги, и на них – увы! – ложится чрезмерная нагрузка. При этом и офицеры, и ученые должны заниматься своими непосредственными делами, чудом находя на все время.

На первых порах после выхода в море тяжелой работы было так много, что мы очень скоро выдыхались. Тогда-то я впервые заметил, каким тактом наделен Уилсон, как быстро он вникает в разные мелочи, от которых зависит очень многое. В то же время его трудолюбие было примером для всех. Такой же работоспособностью обладал и Пеннелл.

Через восемь дней, 23 июня, около 4 часов пополудни, мы пришвартовались в порту Фуншал на Мадейре. Судно уже шло под парусами и машиной, палуба была надраена, где надо – покрашено, и «Терра-Нова» с полным грузом имела вполне пристойный аккуратный вид. Уже были проведены некоторые научные работы, в частности траление и магнитные наблюдения. Но даже тогда, в самом начале пути, мы по многу часов работали с помпами, и ни у кого не оставалось сомнений, что они станут нашим постоянным кошмаром.

На Мадейре, как и повсюду, нам щедро предоставили все необходимое. Рано утром 26 июня, после того как Пеннелл в течение нескольких часов производил магнитные наблюдения, мы снялись с якоря.

Двадцать девятого июня (в полдень мы находились на 27°10' с. ш., 20°21' з. д.) я с полным правом записал в дневник: *«Две недели как мы в плавании, а если заглянуть в кают-компанию, можно подумать, что прошло не меньше года»*.

Покидая Англию, мы почти все были едва знакомы, но офицеры и команда сразу же принялись за дело, а при таком тесном общении люди очень скоро или притираются друг к другу

или ссорятся навеки. Давайте заглянем в каюты вокруг небольшой кают-компания в кормовой части. Первая слева принадлежит Скотту и лейтенанту Эвансу, но Скотта пока нет на борту, и его место занимает Уилсон. В соседней с ними каюте – Дрэйк, секретарь. По правому борту размещаются Отс, Аткинсон и Левик – последние двое врачи, по левому – Кемпбелл и штурман Пеннелл. Рядом с ними вахтенные начальники Ренник и Боуэрс, который только что вернулся из Персидского залива. В следующей каюте обосновались метеоролог Симпсон, работавший до этого в Шимле, специалисты по морской биологии Нельсон и Лилли. Замыкает ряд «детская» – в ней, естественно, живут самые молодые, а следовательно, самые благовоспитанные: Райт – физик и химик, норвежец Гран – инструктор по лыжам и я – помощник Уилсона и младший зоолог. Таковы наши специальности, хотя в многообразии выполняемых всеми работ теряются узкопрофессиональные обязанности каждого.

Характеры выявились уже в первые дни. Уилсон, знающий, кажется, все обо всем, и о важном и о пустяках, всегда готов прийти на помощь, исполнен сочувствия и понимания, направо и налево дает дельные советы, трудится без устали, самоотвержен до предела. Пеннелл умудряется весь день напролет сохранять прекрасное расположение духа, и когда берет высоту светила, и когда несет свою вахту на капитанском мостике, и когда, сменившись, остается, полный энергии, на палубе и выполняет любую черную работу, а вдобавок еще часами ведет магнитные наблюдения, что вовсе не входит в его служебные обязанности. Боуэрс, как выясняется, лучший моряк на борту – он точно знает, что где лежит и что находится в том или ином ящике либо тюке; ему не страшны ни холод, ни жара. Симпсон – бесспорно серьезный ученый, увлеченный своим делом; ему много и бескорыстно помогает Райт, но и в корабельных работах он тоже всегда в числе первых. Отс и Аткинсон обычно держатся вместе, работа так и кипит в их руках.

Отвечавший за судно Эванс – впредь я буду называть его лейтенантом Эвансом, чтобы не путать со старшиной Эвансом, – много сделал для того, чтобы сплотить сырой материал в ядро, способное без трений выдержать тяготы почти трехлетнего пребывания в узком, изолированном от остального мира обществе. Его правая рука – Виктор Кемпбелл, старший помощник, чаще всего его называют просто «старпом», успешно поддерживает на судне порядок и дисциплину. Я очень боялся Кемпбелла.

Сам Скотт из-за дел, связанных с экспедицией, не мог плыть в Новую Зеландию на «Терра-Нове», но поднялся на борт в Саймонсбее, откуда мы взяли курс на Мельбурн.

С Мадейры до мыса Доброй Надежды сначала шли спокойно. Вскоре вступили в полосу жаркой погоды, и по ночам каждый доступный кусочек палубы использовался в качестве спального места. Наиболее привередливые развешивали подвесные койки, но большинство располагались на любом свободном пространстве, скажем, на крыше холодильника, где им не мешал бегущий такелаж,²⁶ и спали, завернувшись в одеяла. Пока мы шли под ветром на парусах, можно было купаться утром прямо за бортом, но при работающей машине приходилось довольствоваться обливанием из шланга. Впрочем, многим это даже пришлось по душе, особенно после того как за купающимся Боуэрсом погналась акула.

Рано утром палуба неизменно представляла собой интересное зрелище. На часах еще нет шести, а уже всех свистают наверх, к помпам, так как наше судно сильно течет. Оно считается сухим, когда в льялах²⁷ воды на 25 сантиметров, а перед откачкой футшток обычно показывает более полуметра. Через час-полтора работы с помпами судно в общем доходит до состояния сухого, с нас же, наоборот, течет в три ручья. Как только вахтенный офицер отдает команду «Стоп качать!», все поспешно сдирают с себя одежду и кидаются к борту за водой, но попробуй достань ее на ходу корабля маленьким ведерком на лине! Сначала ничего не полу-

²⁶ Бегущий такелаж – подвижные снасти на судне, в отличие от стоячего такелажа, например вантов.

²⁷ Льяло – углубление в днище судна для сбора накапливающихся вод.

чается, и эти напрасные усилия были бы забавны, если бы не всевидящее око старпома с капитанского мостика. Попробуйте, читатель, при случае таким манером набрать воды, особенно при высокой волне; вы и воды не получите, и очень скоро останетесь без ведра. Бедного старпома огорчала потеря ведер. На первых порах всем приходилось туго: штивали уголь, брали рифы и убирали паруса на реях, занимались такелажными работами на палубе и в то же время вели магнитные и метеорологические наблюдения, ловили сетью морских животных, препарировали их для коллекций и т. д. Нагрузка почти не менялась на протяжении всего плавания, длившегося около пяти месяцев, только укладка грузов и окрасочные работы под конец требовали меньше времени, чем в первые недели. 1 июля нас перегнало единственное, если мне не изменяет память, виденное нами судно – барк «Инверклайд», направлявшийся из Глазго в Буэнос-Айрес. День был жаркий, тихий, море гладкое, словно стеклышко, и барк, шедший на всех парусах, походил, как заметил Уилсон, «на нарисованный корабль в нарисованном океане».

Два дня спустя, находясь к северу от островов Зеленого Мыса (22°28' с. ш., 23°5' з. д.), мы вошли в полосу северо-восточного пассата. Было воскресенье, на корабле производилась генеральная уборка, первая после выхода в море. За один день мы перешли из чистых прозрачных голубых вод в мутные темно-зеленые. Предполагают, что столь разительное изменение цвета моря, наблюдавшееся почти в тех же местах экспедицией на «ДисCOVERи», вызвано огромным скоплением пелагической фауны – планктона. Планктон дрейфует по поверхности океана, в отличие от нектона, который плывет под ней. «Терра-Нова» была оснащена сетями с очень мелкими ячейками для сбора этих крохотных обитателей открытого моря вместе с водорослями – мельчайшими растительными организмами, которые служат планктону обильным кормом. Планктонные сети можно опускать на полном ходу судна, и мы не ленились брать пробы.

Пятое июля преподнесло нам неприятный сюрприз. В 10.30 утра вдруг раздался звон судового колокола, а вслед за ним команда: «Занять места по пожарной тревоге!» Два огнетушителя «Минимакс» быстро справились с огнем – он вспыхнул в лазарете от зажженной лампы, опрокинутой качкой. Вскоре о нем напоминали лишь подпаленные бумаги, сильный смрад и большие лужи на полу, но мы поняли, как опасен пожар на такой старой деревянной посудине, и с тех пор вели себя осторожнее.

В таком путешествии природа выступает в своем наиболее привлекательном обличье, а тут еще рядом был человек, как свои пять пальцев знающий китов, дельфинов, морских свинок, рыб, птиц, паразитов, планктон, ради и многое другое, что мы наблюдали в микроскоп или бинокль. Нельсон поймал португальского военного кораблика (*Arethusa*), проплывавшего под кормовым подзором у самого борта. Эти животные распространены очень широко, но понять, насколько они красивы, способен лишь тот, кто имел случай наблюдать, как они, только что извлеченные из морской пучины, носятся в большом стеклянном резервуаре, сверкая всеми своими красками. Португальский кораблик отчаянно пытался выбраться из резервуара и норовил ужалить каждого, кто до него дотрагивался. Уилсон его зарисовал.

С первой до последней минуты плавания изучение жизни в любых ее проявлениях увлекало всех на борту. А когда мы встали у антарктических берегов, каждого участника экспедиции интересовало все, что может существовать на окраинах этого огромного бесплодного континента. Не только офицеры львиную долю времени, свободного от обязательных служебных и научных занятий, тратили на то, что помогали зоологам вести наблюдения, но и матросы многое сделали для сбора и обработки доставленных экспедицией образцов. Некоторые, например, научились прекрасно набивать чучела птиц.

Бывало даже, что то и дело раздававшиеся восторженные крики «Кит, кит!» или «Новая птица!», «Дельфины!» вызывали у зоолога, поглощавшего в это время обед, куда меньший восторг, чем у натуралистов-любителей. Надо сказать, что благоприятные условия для наблюдений за жизнью морских птиц, китов, дельфинов и иных форм жизни в море, даже тех срав-

нительно малочисленных, что видны на его поверхности, складываются нечасто. Современный лайнер движется слишком стремительно, он, в отличие от «Терра-Новы», не успевает привлечь к себе живые существа, а если и привлекает, то, едва показавшись, они тут же исчезают. Тем, кто хочет изучать жизнь моря – а она ждет своих исследователей, – я бы советовал путешествовать на грузовых пароходах или, еще лучше, на парусниках.

У носа корабля постоянно резвились дельфины, словно приглашая разглядеть их как следует. Часто в поле зрения появлялись киты, иногда они даже следовали за кораблем, как и сотни морских птиц – буревестников, морских качурок, альбатросов. Офицеры с начала и до конца рейса вели специальный судовой журнал, ставший убедительным свидетельством их страстной увлеченности наблюдениями за жизнью моря. Ежечасно они заносили туда сведения о том, каких животных в каком количестве заметили, подробнейшим образом описывали их характерные приметы и особенности поведения. Будем надеяться, что лица, занятые обработкой материалов экспедиции, не обойдут вниманием эти записи, делавшиеся с таким тщанием, подчас в очень трудных погодных и навигационных условиях. Журнал был в основном детищем Пеннелла, неутомимого и точного наблюдателя, но помогали ему многие.

Примерно 7 июля мы вышли из северо-восточного пассата и попали в экваториальную штилевую полосу. В целом на погоду грех было жаловаться: до Южного Тринидада нам не досаждали ни бури, ни сильное волнение, и поскольку считается, что на старом судне без современной вентиляции в тропиках не может не быть душно, спали мы, да и вообще жили, преимущественно на палубе. Если же ночью начинался дождь – а дожди в этом районе не редкость, – между закутанными фигурами разгорался спор: что лучше – мокнуть под дождем наверху или потеть от жары внизу. И если дождь упорствовал, сонные, немного раздраженные люди с охапками пропитанных влагой спальных принадлежностей старались протиснуться по узкому трапу в кают-компанию. Между тем в такую погоду, когда нет палящего зноя, судно с толстой деревянной обшивкой сохраняет внутри приятную прохладу.

Вот от чего мы действительно страдали, так это от недостатка пресной воды. Мыться ею считалось непозволительной роскошью – разрешалось только брать один стакан для бритья. Что за беда, скажете вы, когда кругом сколько угодно морской воды? Верно, конечно, если только не приходится делать очень грязную работу. Некоторые же из наших офицеров чуть не каждый день возились с углем и могли на собственной шкуре убедиться, что никакое количество холодной морской воды, даже с так называемым морским мылом, не в состоянии смыть угольную пыль. Выход был один – войти в сговор с кочегарами и выпросить немного воды из котлов.

Поэтому, может быть, не совсем бескорыстно кое-кто из нас при прохождении тропиков добровольно вызывался в утреннюю, да и в дневную вахту подменять занемогших кочегаров. Через какое-то время каждый убеждался, что, только привыкнув и овладев приемами работы, можно выстоять смену в кочегарке. Дело в том, что на корабле не было принудительной тяги или современных вентиляционных устройств, и адское требовалось терпение, чтобы провести четыре часа у огнедышащей печи, какой становилась в тропиках кочегарка «Терра-Новы», – спасал только сильный ветер, когда он задувал в единственную вентиляционную трубу, – а труд при этом каторжный; кидать уголь в топку раз за разом – детская игра по сравнению с работой «понедельником» – увесистым инструментом, которым разбивают шлак и сгребают уголь для придания пламени определенной формы. Котлы были цилиндрические, морские, топки – двух метров в длину, метра в ширину, задняя стенка немного ниже передней. Пламя должно было иметь форму клина высотой около 23 сантиметров сзади и около 15 перед входным отверстием. Следовало поддерживать давление между отметками 70 и 80, но для этого надо было потрудиться. И мы трудились.

Выпадали, однако, и неприятные дни – при неослабной жаре дождь лил как из ведра, и все промокало насквозь и на палубе, и внизу. Зато мы запасались пресной водой. Напол-

няли все ведра, матросы раздевались догола и бегали по палубе или же устраивались под световым люком между лабораториями и кают-компанией и в лившейся из люка струе стирали невероятно грязную одежду. Как мы ни старались законопатить все щели, вода протекала на койки. Спать под непрекращающейся каплей было истинной мукой. Эти влажные жаркие дни раздражали больше, чем впоследствии месяцы тоже дождливой, сырой, но более прохладной погоды. Однако к чести экспедиции должен сказать, что и тогда между нами не возникло трений, хотя тесно было как сельдям в бочке.

Опишу типичный день, 12 июля (4°57' с. ш., 22°4' з. д.). После очень жаркой дождливой ночи налетает шквал – как раз когда мы завтракаем, – мы поднимаемся наверх и до 9.30 утра ставим паруса. Затем, примостившись под струйками воды на палубе, до полудня стираем, но тут ветер стихает, хотя дождь не прекращается. Убираем паруса, мокрые, тяжелые, – весьма неприятное занятие. Но вот оно позади. Принимаемся за грузы, перебрасываем уголь – и так до 7 часов вечера. После ужина с наслаждением ложимся спать.

Пятнадцатого июля (0°40' с. ш., 21°56' з. д.) пересекли экватор со всей подобающей случаю торжественностью. В 1.15 пополудни появился Нептун в лице старшины Эванса и повелел остановить судно. Его сопровождала пестрая свита, церемониальным маршем прошествовавшая на полуот, где их встретил лейтенант Эванс. Его супруга (Браунинг), врач (Пэтон), цирюльник (Читем), два полисмена и четыре медведя – двое из них Аткинсон и Отс – окружили его, а судейский (Аботт) зачитал обращение к капитану, после чего все направились к купели – наполненному водой парусу, подвешенному по правому борту на срезе полуота.

Первой жертвой пал Нельсон. После того как он ответил на вопросы, врач осмотрел его, заставил принять пилюли и микстуру и передал в руки цирюльника, тот намылил его черной пастой из сажи, муки и воды и побрил огромной деревянной бритвой. Затем полисмены потащили несчастного в купель, где уже поджидали медведи. Нельсон исхитрился в последний момент схватить и увлечь за собой цирюльника.

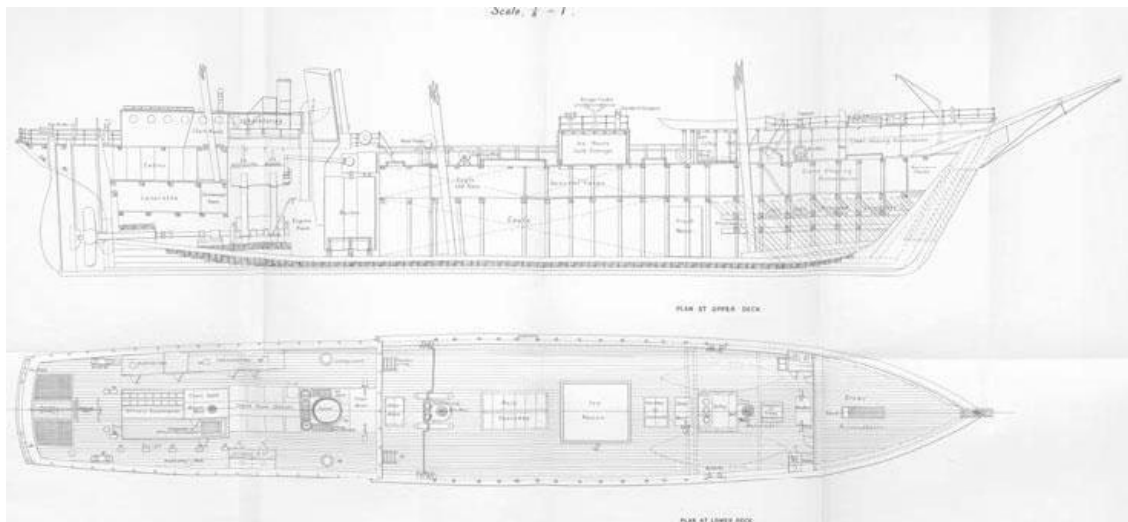
За ним последовали Райт, Лилли, Симпсон, Левик и еще человек шесть матросов. Под конец схватили норвежца Грана, впервые пересекавшего экватор на английском корабле. Но он перебрал врача, пытавшегося попотчевать его пилюлями, через голову в купель, не дал намылить себя как следует, а от бритья цирюльник, уже побывавший в воде, и сам отказался; кое-как Грана окунули и решили, что лучше с ним не связываться.

Участники процессии выстроились в ряд, и Нептун выдал свидетельства тем, кто прошел крещение. Вечером праздник завершился импровизированным концертом.

Такие концерты происходили очень часто. Участники экспедиции обожали петь, хотя петь почти никто не умел. В те дни после ужина обычно не вставали сразу из-за стола, а каждый по очереди исполнял какую-нибудь песенку. Если он не знал ни одной, то должен был сочинить стишок. Если и этого не мог, то вносил штраф в винный фонд – мы намеревались истратить его в Кейптауне и оживленно обсуждали, на что именно. Иногда вместо пения играли в самые что ни на есть детские игры, одна из них, смешившая всех до слез, сильно способствовала пополнению винного фонда.

Как это обычно бывает, некоторые песенки становились особенно популярными. Одну из них Кемпбелл, вечный труженик, устанавливавший весь распорядок жизни на корабле, наверное, не забудет вовек. Уж не знаю, кто первым завел: «Работают все, кроме папаши, несчастного старикашки», – но наверняка это помнит Кемпбелл, единственный на борту отец семейства, с намечающейся, по общему убеждению, лысиной на макушке.

Мы начали готовиться к высадке на сушу – настоящему приключению на неизвестном необитаемом острове. Путь судов, шедших из Англии вокруг мыса Доброй Надежды, лежал к берегам Бразилии и проходил невдалеке от таинственного острова Южный Тринидад, расположенного в 1090 километрах восточнее Бразилии на 20°30' ю. ш. и 29°30' з. д.

«Терра-Нова» – трехмачтовый барк с четырьмя ярусами парусов и вспомогательной паровой машиной, водоизмещением 749 тонн. Построен в 1884 году на шотландских верфях для Компании Гудзонова залива. В 1894–1897 годах фрахтовался для экспедиции Фредерика Джэксона на Землю Франца-Иосифа, в 1902–1903 годах – для Национальной Антарктической экспедиции Р. Скотта. Судно Британской Антарктической экспедиции 1910–1913 годов, деятельность которой описана в настоящей книге. После 1913 года использовалась на зверобойном промысле у Ньюфаундленда. В разгар второй мировой войны в сентябре 1943 года «Терра-Нова» получила течь у юго-западных берегов Гренландии и затонула.

Остров этот труднодоступен из-за обрывистого скалистого берега и редко утихающей океанской зыби. Охотников посетить его поэтому мало, но и тех быстро выживают береговые крабы. Между тем для науки он представляет интерес и новыми видами, которые могут быть на нем обнаружены, и необычным поведением диких морских птиц, никогда не выдававших людей, а потому непуганых. Еще до выхода из Англии было решено, что если мы будем проходить достаточно близко от острова, то попытаемся высадиться.

Речь идет об острове Триндади современных карт (не путать с крупным островом Тринидад вблизи устья реки Ориноко), расположенном почти в 1120 км от побережья Бразилии на 20° ю. ш. Столь значительное отклонение от кратчайших путей к западу связано с особенностями плаваний парусных судов в тропиках, в частности использованием пассатов для следования нужным направлением и преодоления штилевой экваториальной зоны. В целом выбор пути для плавания в Атлантике проходил на «Терра-Нове» строго с рекомендациями того времени.

Из прежних его посетителей следует упомянуть астронома Галлея, побывавшего здесь в 1700 году. В 1839 году на этой земле один день на пути в Антарктиду провел Джеймс Росс, который высадился *«в небольшой бухточке, находившейся немного севернее скалы Галлея – Найн-Пин, поскольку в других местах прибой был так силен, что попытка высадиться угрожала бы целостности наших шлюпок»*. Росс также пишет, что, *«как сообщает Хорсбург, «остров изобилует дикими свиньями и козами, одну козу мы видели. Имея в виду численность полезных живых существ, мы выпустили на берег петуха и двух кур; перемена обстановки, кажется, понравилась им, и я не сомневаюсь, что в столь уединенном месте и хорошем климате они быстро размножатся»*. Мы, однако, так и не увидели ни их потомков, ни свиней с козами» [7]. Вряд ли домашние птицы могли уцелеть по соседству с крабами. Но зато на нем в изобилии водятся дикие птицы. Они могут служить пищей потерпевшим кораблекрушение, и с этой же целью правительство устроило здесь продовольственный склад. Другим посетителем острова был Найт, рассказавший впоследствии в книге «Путешествие на «Алерте», как он искал зарытый здесь, по его убеждению, клад. Заходил сюда в 1901 году и Скотт на «ДисCOVERи». Тогда был найден новый вид буревестника – вильсонова качурка, названная так в честь нашего «дяди Билла», который был зоологом в обеих экспедициях Скотта.

Итак, к вечеру 25 июля мы убрали паруса и встали на якорь в восьми километрах от Южного Тринидада, намереваясь тщательно обследовать этот остров сокровищ. Нам было приказано брать все, что попадется под руку, живое или мертвое, животное, растение или камень.

Назавтра в половине шестого утра мы медленно двинулись к неприступной с виду каменной стене, защищенной голыми скалами, торчащими прямо из воды, на наше счастье, сравнительно спокойной. Пока мы в поисках места для высадки шли вдоль берега, солнце стало подниматься за островом, возвышающимся на 600 метров, и на фоне розовеющего неба живописно выделялись острые зубцы скал.

Мы бросили якорь к югу от острова, и шлюпка заскользила по воде, разведывая побережье. Уилсон, не теряя времени, подстрелил несколько птиц для образцов, в том числе двух фрегатов. Матросы же увлеклись рыбной ловлей, благо рыбы было полно. Кроме того, мы стреляли в акул, окруживших корабль и еще до исхода дня заставивших нас поволноваться.

Шлюпка вернулась, отыскав пригодное для высадки место, и в 8.30 первые партии покинули борт. Место оказалось очень неудобным: на берег, круто обрывающийся в воду, можно было попасть только по скалистому выступу, который отделился в результате выветривания от утеса справа от нас. К счастью, море было довольно спокойным, и всем удалось высадиться сухими и пронести в целостности и сохранности ружья и все необходимое для сбора коллекций.

О Южном Тринидаде лучше всего рассказал Боуэрс в письме матери, которое я помещаю ниже. Но сначала приведу мои краткие заметки того времени, может быть, не лишённые интереса, так как они содержат сведения о другой части острова:

*«Мы запрятали немного патронов, найденных Уилсоном птенца в пуху и яйцо крачки, и начали карабкаться вверх, на запад, кое-где отклоняясь от основного направления, чтобы обойти вершинки. Вышли к месту, откуда открывался вид на бухту Ист-Бей. Тут мы сделали первый привал, во время которого подстрелили несколько белогрудых буревестников (*Oestrelata trinitatis*) и одного черногрудого (*Oestrelata arminjoniana*). Отсюда прошли по скальному карнизу, где гнездились буревестники, и взяли два гнезда, принадлежавшие смешанным парам белогрудых и черногрудых буревестников. Одного Уилсон поймал руками, другого я вытащил из гнезда, и они не оказывали сопротивления и не торопились улетать. Прежде этих птиц относили к различным видам, но мы усомнились, правильно ли это: уж очень они похожи друг на друга.*

Олуши и крачки вели себя совершенно необычно, как, впрочем, и все здешние живые существа. Стоило на какое-то время замереть в неподвижности – и крачки преспокойно усаживались нам на головы. Сидя на скалах, они подпускали к себе на расстояние метра. Нескольких олушей мы схватили голыми руками. Что же касается рыб, пойманных сегодня биологом, то все они могут довольно быстро передвигаться по суше. Во время посещения острова экспедицией «Дисковери» Уилсон видел, как рыба выползла из воды, схватила берегового краба, хотя тот находился в полуметре от нее, и вместе с ним нырнула обратно в море.

Крабы повсюду кишмя кишат – их тысячи; главные их враги скорее всего собственные сородичи, ведь они каннибалы.

После привала мы долго, до половины второго, карабкались вверх, уже на север, по скалам, сквозь заросли кустовых злаков. Наши усилия были вознаграждены – открылся обзор на обе стороны Южного Тринидада и маленькие островки Мартин-Вас в отдалении.

Нашли много птенцов и яиц качурки прямо на скалах, без гнезд, а Хупер принес двух птенцов олуши. Они еще не оперились, но даже в этом возрасте крупнее грача. При подъеме дальше стали попадаться окаменевшие деревья, которыми славится остров.

Подкрепившись – четыре-пять «капитанских галет» составили прекрасный ленч, – начали восхождение на вершину острова, возвышенность к западу от нас. Она была покрыта камнями и высоким и весьма густым колючим кустарником – на этом клочке больше растительности, чем на всем остальном острове. И, продираясь сквозь нее, мы все время перекликались, чтобы не потерять друг друга.

Встречалось множество древовидных папоротников, но низкорослых. На их верхушках спали олуши, нежились на солнце крабы. Крабов были мириады – в расселине между двумя скалами я насчитал их семь экземпляров.

На вершине отыскивали тихое место, расположились поудобнее и решили, что не так уж плохо быть выброшенными на необитаемый остров. Кто мог подумать, что нас вот-вот постигнет участь потерпевших кораблекрушение, во всяком случае, на некоторое время.

Крабы окружили нас кольцом и разглядывали так пристально, словно ожидали, что через минуту-другую мы превратимся в падаль и они за нас примутся. Один огромный краб отделился от общего круга, приковылял к моим ногам и внимательно обследовал ботинки. Щипнул раз, другой, пробуя их на вкус, и, явно разочарованный, ретировался – можно было представить, что он в отвращении качает головой.

Помимо птиц и яиц собрали несколько пауков, очень крупных кузнечиков, мокриц, майских жуков, многоножек разной величины. Это место буквально кишело насекомыми. Должен оговориться: мы их распознавали в основном по внешнему виду, не думая о чисто научной классификации.

Спускались поспешно, иногда на всех четырех, и примерно на полдороге, как только далеко под нами показалось море, бьющееся о скалы, увидели, что поднялась волна. День клонился к вечеру, мы развили предельную скорость, опираясь о скалы ружьями.

Чем ниже мы спускались, тем грознее казалось волнение. Очевидно, это была зыбь, прошедшая издали, и когда мы скатились на каменный склон между высокими утесами, у которого причалили, то обнаружили там всех высадившихся на остров, а лодки – вдалеке от него. Подойти вплотную им не давал прибой.

Тут на берег удалось забросить штормовой линь с буйком, Боуэрс влез на скалу и закрепил его. Мы сложили ружья и собранные образцы в кучу, как нам казалось, вне досягаемости волн, но два огромных вала подхватили нас в тот самый момент, когда метрах в десяти, не меньше, от их основания мы выбирали леер. Нас опрокинуло, ружья, образцы и одежда промокли совершенно.

Тогда мы перенесли вещи и трофеи еще дальше, в безопасное место, а сами по очереди, держась за леер, начали переправляться через линию прибоя. Работа эта – врагу не пожелаешь, но по-настоящему досталось только Хуперу. Он спустился с крутого склона, но не успел продвинуться между замыкавшими его с моря скалами, как волна откатилась. Следующая волна подхватила его и отбросила назад, и он выпустил из рук леер. Валы то надолго накрывали его с головой, то отступали, мы же в полной беспомощности только старались забросить к нему линь. К счастью, он сумел ухватиться за леер и пройти опасное место.

Когда мы подошли к берегу и увидели, как скверно все складывается, Уилсон уселся на камень и самым хладнокровным образом принялся грызть галету. Есть ему не хотелось, он пытался таким образом унять свое волнение.

Как странно, сказал он мне позднее по поводу случая с Хупером, что группа людей, которая видит, как человек борется за жизнь, но не в силах ему ничем помочь, может при этом сохранять спокойствие. На это, считает он, способен только английский темперамент. Впоследствии, однако, обнаружилось, что, пока мы ожидали своей очереди плыть через прибой, и у меня, и у него был сердечный спазм».

А вот письмо Боуэrsa:

«Воскресенье, 31 июля. Прошедшая неделя была так богата событиями, что я даже не знаю, с чего начать. Приближение к земле всегда связано для меня с ожиданием писем от вас, они делают особенно радостным прибытие в порт. Но странный необитаемый остров, на котором мы побывали, заставил меня забыть о почте до Кейптауна, вернее, до Саймонстауна. 25-го Кемпбелл и я с нока фор-реи увидели Южный Три니다д, а 26-го с утра пораньше мы встали на якорь в гладком, как стеклышко, море. Северо-восточные пассаты, поднимающие большую волну, ударялись в восточный берег, у западного же все было тихо, словно на запруде у мельницы. Мы подошли к нему очень близко, чтобы бросить якорь, – здесь почти сразу у острова очень глубоко, – прямо над нашими головами нависали скалы, горы уходили ввысь более чем на 500 метров. На месте нашей стоянки, в бухте Уэст-Бей, вода была настолько чистая, что на глубине 30 метров был прекрасно виден якорь. Тут же появились акулы и различные рыбы, прилетело несколько птиц. Лейтенант Эванс решил разведать берег, и мы с Отсом, Ренником и Аткинсоном сели с ним в шлюпку гребцами. Внимательно осмотрели места прежних высадок, но они нам не понравились – слишком каменистые и опасные. И хотя море напоминало мельничную запруду, всюду был прибой, правда не сильный. Наконец, мы выбрали совсем новое место – небольшую выемку в скалах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.